

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
Кафедра уголовно-правовых дисциплин

РЕКОМЕНДОВАНО К ЗАЩИТЕ В ГЭК

Заведующий кафедрой

канд. юрид. наук, доцент,

заслуженный юрист РФ

 В.И. Морозов

06 декабря 2022 г.

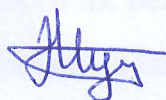
ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
магистерская диссертация

**ПРЕВЫШЕНИЕ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ И КРАЙНЕЙ
НЕОБХОДИМОСТИ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

40.04.01 Юриспруденция

Магистерская программа «Магистр права»

Выполнил работу
студент 3 курса
заочной формы обучения

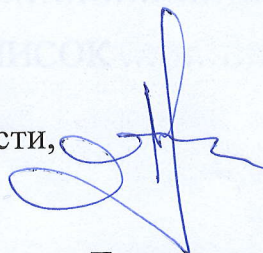
Мухаметшина Элеонора Тимуровна

Научный руководитель
канд. юрид. наук,
доцент

Минин Роман Викторович

Рецензент
начальник
гражданско-судебного отдела
прокуратуры Тюменской области,
советник юстиции

Соловьёва Анна Александровна

Тюмень
2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. Теоретические аспекты института необходимой обороны и крайней необходимости как обстоятельств, исключающих преступность деяния.....	8
1.1. История становления и развития необходимой обороны и крайней необходимости.....	8
1.2. Необходимая оборона и крайняя необходимость в современной системе обстоятельств, исключающих преступность деяния.....	26
Глава 2. Особенности уголовной ответственности за превышение пределов необходимой обороны и крайней необходимости.....	42
2.1. Уголовно-правовой анализ превышения пределов необходимой обороны.....	42
2.2. Правовые последствия превышения пределов крайней необходимости.....	46
Глава 3. Проблемы законодательного регулирования и практики ответственности за превышение пределов необходимой обороны и крайней необходимости, пути их решения.....	52
3.1. Проблемы квалификации деяний, совершенных при превышении пределов необходимой обороны.....	52
3.2. Проблемы квалификации деяний, совершенных при превышении пределов крайней необходимости.....	58
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	65
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	70

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Вопросы, связанные с обстоятельствами, исключающими преступность деяния, на протяжении многих лет привлекают внимание ученых и правоприменителей. Значимость их исследования обусловлена тем, что, несмотря на наличие отдельной главы в УК РФ, посвященной рассматриваемым обстоятельством, до сих пор нет единого мнения относительно правовой природы данных обстоятельств, определении ситуаций, в которых они в полной мере исключают преступность деяния, и соответственно, уголовную ответственность, а также тех, когда ответственность все же наступает при определенных условиях.

Существенной значимостью обладают такие виды обстоятельств, исключающих преступность деяния, как необходимая оборона и крайняя необходимость. Несмотря на то, что они достаточно часто встречаются в правоприменительной практике, существует значительное количество проблем, связанных с их применением. Прежде всего, не всегда можно четко определить, были ли соблюдены условия правомерности, не допущено ли превышения пределов данных обстоятельств. Также определенные вопросы возникают в тех случаях, когда возникает необходимость квалификации причинения вреда при превышении пределов необходимой обороны или крайней необходимости. Анализ практики свидетельствует о том, что нередко органами расследования, да и судами первой инстанции, допускаются ошибки в квалификации, когда не учитывается необходимость применения нормы, регламентирующей привилегированный состав преступления. В ряде случаев привлечение к ответственности лиц является необоснованным, когда в действительности имели место обстоятельства, исключающие преступность деяния. Все вышесказанное свидетельствует о необходимости дальнейших исследований уголовной ответственности при превышении пределов необходимой обороны и крайней необходимости, и обуславливает актуальность выбранной темы.

Степень разработанности темы исследования. Существенный вклад в анализ данной темы внесли такие авторы, как В.С. Афендинов, Ю.В. Васильев, М.Р. Галимов, Д.А. Гарбатович, Н.О. Гогин, К.Е. Добрынина, Н.А. Егорова, А.В. Зеленов, В.А. Казакова, А.Г. Кибальник, О.А. Матвейчук, А.В. Никуленко, В.И. Пшеничный, О.В. Русинова, А.М. Станкевич, Е.В. Федько и др.

Целью работы выступает комплексный анализ теории и практики превышения пределов необходимой обороны и крайней необходимости, выявление имеющихся проблем и поиск их решения.

Для достижения цели были поставлены следующие *задачи*:

- проанализировать историю становления и развития необходимой обороны и крайней необходимости;
- рассмотреть необходимую оборону и крайнюю необходимость в современной системе обстоятельств, исключающих преступность деяния;
- провести уголовно-правовой анализ превышения пределов необходимой обороны;
- определить правовые последствия превышения пределов крайней необходимости;
- выявить проблемы квалификации деяний, совершенных при превышении пределов необходимой обороны;
- раскрыть проблемы квалификации деяний, совершенных при превышении пределов крайней необходимости

Объект исследования составляют общественные отношения, складывающиеся в сфере уголовной ответственности при превышении пределов необходимой обороны и крайней необходимости.

Предмет исследования представлен уголовно-правовыми нормами, регламентирующими обстоятельства, исключающие преступность деяния, а также устанавливающими ответственность за превышение пределов необходимой обороны и крайней необходимости, правоприменительной практикой, научными изысканиями по теме исследования.

Новизна научного исследования заключается в формулировании на основе теоретического и практического анализа института.

Теоретическая и практическая значимость работы. Сформулированные в данной работе выводы могут быть использованы в дальнейших исследованиях, а также при подготовке учебных пособий по курсу «Уголовное право». Выработанные предложения могут быть учтены при подготовке изменений в уголовный закон, а достигнутые результаты исследования и разработанные рекомендации могут быть внедрены в практическую деятельность субъектов квалификации преступлений.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы: метод системного анализа, посредством которого изучены основные положения законодательства в сфере регламентации исключаящих преступность деяния обстоятельств: обобщение нормативных, научных и практических материалов, позволившее провести комплексный анализ рассматриваемой проблемы; исторический метод, с помощью которого раскрыты особенности развития и становления института обстоятельств, исключаящих преступность деяния, в разные периоды развития уголовного процесса; частно-научные методы: статистический, логистический, технико-юридический и другие, позволившие выявить проблемы в рассматриваемой сфере и предложить способы их решения.

Положения, выносимые на защиту:

1. За длительный период эволюции в качестве обстоятельств, исключаящих преступность деяния, крайняя необходимость и необходимая оборона неоднократно видоизменялись, при этом, постепенно происходила гуманизация анализируемых институтов, что оказало положительное влияние на стимулирование полезных для общества поведенческих мотивов.

2. Завершенный систематизированный вид институт обстоятельств, исключаящих преступность деяния, приобретает с момента принятия действующего УК РФ, где ему посвящена отдельная глава. Однако, поскольку данная глава фактически содержит перечень не обстоятельств, а деяний, не

признаваемых преступными при наличии определенных обстоятельств, предлагается переименовать гл. 8 УК РФ в «Разрешенное причинение вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния».

3. Доказано, что существующие законодательные формулировки вызывают существенные сложности в разграничении правомерных и неправомерных действий в состоянии необходимой обороны, в связи с чем, предлагается внести ряд изменений в ст. 37 УК РФ:

- предусмотреть, что правомерным будет причинение любого вреда, вплоть до лишения жизни нападавшего, если в ходе нападения применялось насилие в виде нанесения неоднократных ударов, оружие или предмет, используемый в качестве оружия;

- упростить формулировки, используемые в ст. 37 УК РФ, вынеся определение необходимой обороны в примечание к данной норме.

4. Причинение вреда при превышении пределов необходимой обороны в ряде случаев влечет уголовную ответственность, квалификация деяния зависит от наступивших последствий. Уголовно-наказуемым является в таком случае причинение среднего либо тяжкого вреда здоровью, а также смерти, соответственно, если обороняющийся, превышая пределы, причинит легкий вред здоровью, его действия не будут уголовно-наказуемыми.

Законодательный подход, выстроенный на квалификации деяния в зависимости от причиненных последствий, нецелесообразен, предлагается предусмотреть одну норму, устанавливающую уголовную ответственность за причинение тяжкого вреда или смерти при превышении пределов необходимой обороны.

5. Действующий УК РФ не содержит самостоятельных норм, устанавливающих ответственность за причинение вреда при превышении пределов крайней необходимости, в связи с чем, ответственность наступает в зависимости от причиненного вреда, на основании общих норм Особенной части УК РФ. Предусматривается лишь смягчение наказания в соответствии с п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ. Такой подход видится нецелесообразным, в связи с

чем, предлагается включить в УК РФ соответствующую норму, предусматривающую ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью или смерти при превышении пределов крайней необходимости. Причинение любого иного вреда в такой ситуации не должно влечь уголовной ответственности.

Степень достоверности и апробация результатов. Основные выводы и предложения магистерской диссертации нашли свое отражение в публикациях в научных журналах и сборниках научных работ. По теме диссертационного исследования опубликована научная статья: «Понятие превышения пределов необходимой обороны и крайней необходимости по уголовному законодательству РФ», в научном журнале «Инновации. Наука. Образование», № 49, январь 2022 г.

Структура работы состоит из введения, трех глав, включающих шесть параграфов, заключения и библиографического списка.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНСТИТУТА НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ И КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ

1.1. ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ И КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ

В рамках анализа любого правового института, целесообразно обращение к истокам его зарождения, исследование последующего развития на разных этапах развития государства и общества. Многогранность института обстоятельств, исключающих преступность деяния, входящих в него необходимой обороны и крайней необходимости, обуславливает необходимость анализа предпосылок к их появлению, определить, какие аспекты правовой регламентации сохранились до настоящего времени, а какие были отвергнуты по тем или иным причинам. Уже с древних времен, когда была осознана необходимость установления ответственности за преступление, стало очевидным, что не все те деяния, которые общепризнано являются преступными, влекут негативные последствия, так как они направлены на достижение положительных целей. Это породило установление ряда обстоятельств, исключающих преступность деяния. В числе появившихся в наиболее в раннее время является крайняя необходимость.

Становление рассматриваемого обстоятельства, исключающего преступность деяния, прошло длительный и сложный путь, и его содержание изменялось по мере развития общества и государства, происходящих событий в политической, социальной, экономической сфере. Прежде чем анализировать особенности крайней необходимости в российском государстве, где оно появилось достаточно поздно, целесообразно уделить внимание зарождению данного института в целом. Исследователями отмечается, что письменно институт крайней необходимости впервые нашел свое закрепление в древнеримском праве, но ей не придавалось значения самостоятельного

института, существовала она применительно к исковому производству [Никитенко, с. 86]. Определяя некие границы правовых дозволений, римское право при этом предусматривало в ряде случаев возможности расширения границ субъективных прав. К примеру, в случаях угрозы нарушения чужих интересов, наличия определенных сил, которые от воли человека не зависят. Причинение вреда допускалось в случае необходимости обеспечить защиту более ценного блага (к примеру, причинить имущественный вред для спасения жизни человека). При этом, учеными анализируемое обстоятельство рассматривалось по-разному.

В частности, отмечалось, что правонарушение, приводящее к причинению имущественного ущерба третьим лицам, может быть обусловлено страхом, возникшим в силу наличной или будущей опасности, опасение «более значительного зла». Также обращалось внимание и на необходимость наличия для страха реального основания. Помимо страха, как основание причинения вреда рассматривалась грубая сила, под которой понималось воздействие чего-либо, которое невозможно преодолеть без определенных нарушений.

Таким образом, заложение правовых основ института крайней необходимости произошло в древнеримском праве, поскольку исключалась ответственность лица в случае причинения имущественного вреда в силу страха перед наиболее опасными последствиями (преимущественно, вследствие природных сил).

В средние века происходит развитие анализируемого института, поскольку стало предусматриваться исключение ответственности лиц, действия которых, прежде всего, были направлены на защиту жизни человека, при этом, правомерными они являлись не только в случае причинения имущественного вреда, но и любого другого – жизни, здоровью. Какое бы обязательство не было нарушено в состоянии крайней необходимости, оно считалось правомерным. В XVII в. в Европе исследователи (например, Г. Гроций) признавали крайнюю необходимость естественным правом, отмечая, что не могут быть признаны преступными те действия, которые совершены в силу неизбежности,

обусловленной природной стихией. Институт самосохранения считается важнейшим человеческим инстинктом, поэтому утверждалось, что каждый человек, при необходимости сохранить свою жизнь, должен иметь право лишить шанса на спасение другого и не понести за это ответственности [Снегирева, с. 160].

В XVII–XIX вв. вопросы крайней необходимости продолжают привлекать внимание исследователей. Продолжается отстаивание позиции о наличии у каждого человека права сохранить свою жизнь любым способом. При этом, некоторые ученые полагают, что действия в состоянии крайней необходимости не должны рассматриваться как бесправные или правомерные, они безразличны для права. Интересна позиция Канта, считающего крайнюю необходимость принуждением без права, которая имеет место лишь в случае дозволенного насилия в отношении лица, не применяющего никакой силы к нарушителю. При этом, дозволенным действие считается при наличии не объективных, а субъективных оснований. Если вопрос стоит о спасении человеком своей жизни, он вправе лишить шанса на спасение другого, и установление уголовного запрета на такие действия не будет иметь результата, человек не может преодолевать страх перед реальным злом под страхом предполагаемого (наказания, которое может последовать, даже если это смертная казнь) [Белоглазов, с. 276].

По мнению Гегеля, крайняя необходимость должна рассматриваться как право нужды, если, к примеру, необходимо совершить хищение чужого имущества для спасения жизни человека, это не должно влечь ответственности, поскольку в ином случае будет иметь место полное бесправие личности. Даже спасение государственного блага путем гибели отдельного человека, по мнению данного исследователя, должно признаваться непроступным. Но всегда должна иметь место реальная опасность. По мнению Г. Филанджери, действия при крайней необходимости не могут быть наказуемы в силу отсутствия фактора вины, лицо осознает последствия и желает их, но его нравственные, душевные силы не могут позволить преодолеть ему это желание. Р. Иеринг

рассматривает крайнюю необходимость в качестве коллизии благ и интересов, требуется не ограничивать волю, а обеспечивать охрану интересов, оценивая рассматриваемый институт, надлежит предпочтение отдавать более значимому благу, определяемому в зависимости от культуры и особенностей страны, исторического периода и т.д. [Денисова, с. 112].

Подытоживая анализ ранних европейских теорий относительно крайней необходимости, можно отметить, что исследователями выделялись субъективный и объективный критерии, вследствие которых деяние не должно влечь ответственности. Субъективный критерий заключался в наличии особого психического состояния у лица, действующего в состоянии крайней необходимости, а объективный – в причинении зла, которое лицо рассматривало как меньшее по сравнению с предотвращенным.

Переходя к исследованию рассматриваемых обстоятельств, исключающих преступность деяния, в российском государстве, следует отметить, что первоначально появилась необходимая оборона, и уже в Русской Правде, которая считается первым отечественным письменным источником уголовного права содержалось ее определение. В соответствии со ст. 13 и 14 рассматриваемого документа, допускалась необходимая оборона при посягательстве на собственность, если оно было осуществлено путем грабежа или разбоя. При этом устанавливались и определенные ограничения – убийство «ночного вора» не влекло наказание только при условии его сопротивления задержанию, если же удавалось его обезвредить (например, связать), убийство не допускалось, так как опасность считалась миновавшей, и лишение жизни вора в этом случае представляло собой уже убийство из мести [Афендикова, с. 12].

Необходимая оборона продолжает оставаться единственным обстоятельством, исключающим преступность деяния, на протяжении длительного времени, но круг действия постепенно расширяется, так как, кроме отношений собственности, состоянием необходимой обороны начинают охватываться также личные и естественные права. В частности, значительный

шаг в рассматриваемом направлении был сделан в Соборном Уложении 1649 г., поскольку оно закрепило право на необходимую оборону не только в отношении имущества, но и допускало защиту естественных и личных прав, в частности, безусловно охраняемой любыми средствами являлась жизнь собственника имущества, кроме того, реализация права на необходимую оборону была возможна в тех случаях, когда требовалось обеспечить защиту здоровья, а также целомудрие женщин [Матова, с. 189].

Российскому праву институт крайней необходимости долгое время не был известен, первое упоминание о нем приходится на принятие Соборного уложения 1649 г., содержащего в ст. 283 указания на ненаказуемость отдельных деяний, совершаемых в целях сохранения своего здоровья и жизни, однако, данная норма носила частный характер, поскольку устанавливала освобождение от имущественной ответственности лица, совершившего в целях защиты от нападения убийство чужой собаки. В то же время, исследователями отмечается, что отсутствие общих положений не являлось препятствием для произвольного толкования Боярской Думой рассматриваемой нормы, и при наличии угрозы вследствие иных источников опасности было возможно освобождение причинителя вреда от ответственности [Джигоев, с. 399].

В дальнейшем в развитие института обстоятельств, исключающих преступность деяния, существенный вклад вносит Воинский Артикул 1715 г., при этом, регламентация им данного института специфична. Рассматриваемый правовой источник расширил число ограничений, когда может возникнуть право на необходимую оборону, определив, что непроступным его реализация будет лишь в случае совершения своевременных и соразмерных действий. При этом, сужалось и основание обороны, она могла быть предпринята только в целях защиты, в то время как ранее фактически необходимая оборона могла быть реализована и с целью мести. Появляется и дифференциация ответственности в случае совершения деяния вне обороны и при превышении ее пределов, во втором случае могло быть назначено менее строгое наказание.

Что касается крайней необходимости, то в таком правовом источнике, как Артикул Военский Петра Великого, определенная регламентация данного обстоятельства продолжает сохраняться, но четкие формулировки, позволяющие рассматривать ее в общем, как обстоятельство, исключающее преступность деяния, отсутствовали. Упоминается рассматриваемое состояние только применительно к отдельным видам преступления. К примеру, допускалась сдача врагу крепости в случае нехватки людей для ее защиты, отсутствия амуниции либо продуктов питания (ст. 123). Причинение смерти, обусловленное наличием «смертного страха» и необходимостью спасения своей жизни, убийством не признавалось (ст. 154). Разрешалось повреждение чужого имущества «в случаях исключительной нужды» (ст. 180), хищение продуктов в случае нужды (ст. 195). Также имелось указание на необходимую оборону, и практически отсутствовало разграничение данного обстоятельства и необходимой обороны [Жигжитова, с. 89]. Таким образом, в соответствии с Артикулом Военском устава Петра I, несмотря на отсутствие четкой регламентации крайней необходимости, которая одновременно рассматривалась и в качестве исключающего преступность обстоятельства, и в качестве смягчающего, и при этом толком не отграничивалась от необходимой обороны, некоторые общие критерии, позволяющие определять правомерность причинения вреда охраняемым интересам, впервые нашли свое нормативное закрепление. При этом, произошло расширение обстоятельств, исключающих преступность деяния, поскольку в их число были включены исполнение государственных распоряжений и военных приказов, а также крайняя необходимость [Рулева, с. 104].

Дальнейшее развитие рассматриваемого института происходит длительное время, вплоть до XIX века никаких изменений не происходит, проект Уложения 1813 года признает крайнюю необходимость смягчающим обстоятельством.

Значимые изменения происходят в связи с принятием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, так как именно в нем

можно обнаружить первую попытку систематизировать правовые нормы, регулирующие институт обстоятельств, исключающих преступность деяния. Прежде всего, расширяется круг таких обстоятельств, так как ним начинают относить безумие, ошибку, принуждение от превосходящей непреодолимой силы. Право на необходимую оборону получает некоторое уточнение, поскольку допускается его реализация в случае попытки застигнутого при хищении лица сопротивляться, а также при продолжении лицом своей преступной деятельности, невзирая на требования прекратить ее [Помогаева, с. 108].

Нормы, регламентирующие крайнюю необходимость, стали распространяться на неограниченный круг лиц. Данное обстоятельство приобрело новую правовую природу, из причин, по которым деяние не должно быть вменено в вину, надлежало доказать, что деяние совершено в силу того, что имела место «крайность», отсутствовали другие способы и средства решения проблемы. При этом, содеянное не рассматривалось в качестве невиновного причинения вреда, лишь уменьшалась степень вины. В редакции 1885 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных содержало главу V, которая, взамен названия «Причины, уменьшающие вину и наказание», приобретает наименование «обстоятельства, уменьшающие вину и наказание».

В ст. 106 Уложения крайняя необходимость признавалась противозаконным деянием, совершенным в силу принуждения, избежания угрожающей жизни опасности, в тех случаях, если преодолеть принуждение иными средствами было невозможно и при отсутствии вины лица, совершившего деяние, причинившее вред. Ст. 140 Уложения крайнюю необходимость признавала обстоятельством, смягчающим наказание, в случае совершения его по причине отсутствия средств на пропитание. Применительно к хищениям, крайняя необходимость, в силу которого совершалось завладение чужим имуществом, признавалась смягчающим наказание обстоятельством.

В теории уголовного права продолжалось исследование крайней необходимости, при этом, положения Уложения подвергались критике, в

особенности законодательное указание на тот факт, что ответственность не исключалась в случае устранения угрозы в отношении третьих лиц [Розин, с.29].

Таким образом, можно сделать вывод, что первая попытка систематизировать обстоятельства, исключающие преступность деяния, и закрепить их на законодательном уровне, была предпринята в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, однако, четкое определение критериев крайней необходимости отсутствовало, а к необходимой обороне относилось существующее в настоящее время обстоятельство в виде причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление.

Наиболее значительные изменения в правовой регламентации института исключающих преступность деяния обстоятельств происходят в 1903 году, с принятием Уголовного уложения. Данный правовой акт оформил концептуально новую идею крайней необходимости, включил в число данных обстоятельств исполнение закона, служебного приказа, угрозы и принуждения [Щелконогова, с. 88]. При этом, несмотря на достаточно существенное изменение во взглядах законодателя на крайнюю необходимость, определение ее признаков и условий, крайняя необходимость в уголовно-правовой науке рассматривается как противоправное деяние, но не влекущее наказания. Подобный подход базировался на позиции о том, что нарушение чужих прав ни при каких условиях не может быть правомерным. Помимо этого, крайняя необходимость рассматривалась и в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность, но применительно лишь к некоторым видам преступления. Так, в соответствии со ст. 581 Уложения, привилегированным составом преступления выступала кража, совершенная «по крайности» [Станкевич, с. 103].

Таким образом, в соответствии с концепцией Уложения 1903 г., выделялись следующие виды крайней необходимости: совершение деяния для

устранения смертельной опасности; стремление предотвращения угрожающе конкретному благу опасности; государственная полезность.

Именно с данного момента в российском государстве изменяется подход к правовой природе и содержанию крайней необходимости, поскольку она приобретает статус не признака виновности, а исключаящего преступность деяния обстоятельства. Но при этом появлялись и определенные условия:

- у причинителя вреда возникала обязанность доказывания неотвратимости причинения вреда;

- причиненный вред должен был быть менее предотвращенного.

Крайняя необходимость, имеющая в качестве основания государственную полезность, могла быть реализована только в сфере гражданской службы. В соответствии со ст. 637 крайняя необходимость имела место в том случае, когда служащим были совершены какие-либо действия, не имеющие под собой законных оснований и без поручения им данных действий, если целью совершения деяния являлось обеспечение интересов государства, а отложить его до появления законных оснований в виде поручения было невозможно. Комментируя рассматриваемое положение, исследователи отмечали, что в качестве подобной ситуации надлежит рассматривать народные волнения, когда принятие служащим определенных решений может повлечь за собой причинение вреда государству или личности. Подобные действия не могут быть признаны превышением полномочий, если действия служащего были направлены на обеспечение интересов государства и людей, иными способами достижение данной цели и предотвращение опасности было невозможным либо служащий не мог определить такие способы в силу объективных причин [Кузнецова, с. 27].

Абсолютно справедливо исследователями отмечалось, что Уложение 1903 г. имело значительно более совершенный уровень юридической техники по сравнению с ранее действовавшими правовыми источниками. Применительно к регулированию крайней необходимости данная позитивная черта нашла наиболее яркое проявление, поскольку отдельно имелось указание

в Общей части на неприступность деяния, совершаемого для спасения жизни человека (как своей, так и другого лица), от опасности, предотвратить которую не было иной возможности и которая возникла в силу угрозы, незаконного принуждения либо иных причин. Отдельно выделялись обстоятельства, при которых действия в состоянии крайней необходимости продолжали влечь уголовное наказание, но считались совершенными при смягчающих обстоятельствах.

Подводя итог анализу института обстоятельств, исключаящих преступность деяния, в дореволюционный период, можно отметить, что к его концу произошло формирование определенной системы данных обстоятельств. Уложение 1903 г. отнесло к ним: исполнение закона; исполнение приказа; дозволение власти; осуществление дисциплинарной власти; осуществление профессиональных обязанностей; осуществление частного права; необходимую оборону; крайнюю необходимость. Произошедшая в 1917 году революция повлекла за собой изменения в государственном строе, во всех сферах, в том числе и в правовой. Поэтому исследование изменений в определенной степени уже сформировавшихся институтах крайней необходимости и необходимой обороны вызывает особый интерес.

Прежде всего, нельзя обойти вниманием значительное расхождение между разработками уголовно-правовой доктрины относительно института крайней необходимости и ее законодательной регламентации. Научная мысль продолжала базироваться на тех основах, которые сложились в дореволюционном законодательстве. При этом, постепенно происходит выработка четкой позиции относительно крайней необходимости, которая заключается в следующем: в случае совершения лицом деяния, связанного с причинением вреда, если это был единственный способ предотвращения более значительного вреда, данное деяние является не противоправным, а общественно полезным, и соответственно, не может влечь уголовной ответственности.

В первое время послереволюционного периода в качестве исключаящего преступность обстоятельства рассматривается только необходимая оборона, право на которую закреплено в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. [Помогаева, с. 108]. Данное обстоятельство сохраняет свою правовую регламентацию и в ст. 19 УК РСФСР 1922 года «Не подлежит наказанию уголовно наказуемое деяние, совершенное при необходимой обороне против незаконного посягательства на личность или права обороняющегося или других лиц, если при этом не допущено превышения пределов необходимой обороны» [Рулева, с. 104]. В ст. 20 УК РСФСР 1922 года находит свое законодательное закрепление крайняя необходимость начинает рассматриваться в качестве обстоятельств, нивелирующих негативные последствия для причинителя вреда, так как влечет освобождение от наказания. Исследователями отмечается, что к этому моменту произошел отказ от казуальности крайней необходимости, равной уголовно-правовой защите стали подлежать жизнь, здоровье, личные или имущественные блага как самого причинителя вреда, так и иных лиц. Однако, государственные и общественные интересы в число охраняемых благ УК РСФСР 1922 года не включил. Из достижений дореволюционного законодательства в первый советский кодифицированный уголовный закон были включены необходимые условия правомерности причинения вреда при крайней необходимости – неотвратимость вреда и причинение меньшего вреда, чем предотвращенный. Однако, определения крайней необходимости так и не было закреплено, перечислялись лишь условия, при которых причиняемый вред рассматривался как правомерный [Гончарова, с. 47].

В качестве проблемы института крайней необходимости рассматриваемого периода времени, ученые называют отсутствие раскрытия ее правовой природы, что не способствовало и единообразию правоприменительной практики. Примером может быть рассмотрение одного из уголовных дел Уголовной Кассационной Коллегией Верховного Суда РСФСР. Рассмотрев обстоятельства совершенного деяния, судебная коллегия

пришла к выводу, что не может быть признано уголовно наказуемым получение взятки, если это было обусловлено необходимостью сохранения общественного блага, а личные интересы при этом не преследовались. При этом, разрешая вопрос о наказуемости или ненаказуемости деяния, суды руководствовались правилом сравнения предотвращенного и причиненного вреда, субъективное восприятие нарушителем обстоятельств и условий, при которых было совершено деяние, не учитывалось. При этом, сохранялся подход, в соответствии с которым отдельные признаки крайней необходимости учитывались как смягчающее обстоятельство, в частности, это касалось ситуаций, когда преступления совершались в силу нужды или голода. В научном сообществе также обращалось внимание на проблему определения наличия состояния крайней необходимости. В частности, отмечалось, что суды берут за основу для решения данного вопроса лишь объективный критерий, определяя, является ли причиненный вред меньшим, чем предотвращенный, в то время как субъективный критерий – восприятие предотвращаемого и причиняемого вреда нарушителем – полностью игнорировался.

В Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 года, к числу охраняемых объектов, для предотвращения угрозы которым допускалось причинение вреда в условиях крайней необходимости, были отнесены не только личность и права обороняющегося и других лиц, но интересы государства. Крайняя необходимость регламентировалась ст. 9 Основ, наряду с необходимой обороной, что затрудняло понимание правовой природы крайней необходимости. Рассматриваемая норма определяла, что при совершении деяния при рассматриваемом обстоятельстве, не должны применяться меры социальной защиты (которые по своему характеру являлись наказанием и иными мерами уголовно-правового характера). При этом, какие именно негативные последствия не должны наступать в случае действия лица в состоянии крайней необходимости, законодатель не разъяснял.

Продолжая рассматривать как не влекущее наказания деяние в состоянии крайней необходимости, законодатель продолжал считать таковым лишь то, которое причинило вред, меньший чем предотвращенный, при условии невозможности предотвращения опасности иными средствами. При этом, в Основах впервые нормативно получило закрепление требования о том, что судом должна быть произведена оценка действий, которые были совершены для предотвращения опасности. Оценивая содеянное, суд должен был четко установить, что причиненный вред менее важен, нежели предотвращенный, значимость охраняемого при этом блага не учитывалась.

В УК РСФСР 1922 г. в редакции 1924 г. в ст. 109 содержалось указание на крайнюю необходимость, имевшую место в сфере гражданской службы, так как не являлось преступным деяние в виде злоупотребления власти или служебным положением, в случае совершения его по необходимости.

УК РСФСР 1926 г. не внес существенных изменений в регламентацию крайней необходимости, данное обстоятельство было закреплено в ст. 9, при этом, сохранялся законодательный подход, в соответствии с которым крайняя необходимость и необходимая оборона содержались в одной норме. В качестве уточнения указывалось, что совершение деяния при указанных обстоятельствах не влечет за собой мер социальной защиты уголовно-исправительного характера [Уздимаева, с. 50].

Законодательно было определено, что деяние в состоянии крайней необходимости может быть совершено исключительно путем действия, бездействие в качестве формы данного обстоятельства не рассматривалось, что приводило к более узкому толкованию нормы, регулирующей институт крайней необходимости. Исчезло и указание на то, что в рамках крайней необходимости посягательство может быть осуществлено не только на личность нарушителя или другого лица, но и на их права, что также сужало понимание рассматриваемого обстоятельства. В практике в рассматриваемый период времени, в случае установления состояния крайней необходимости, судами уголовные дела в отношении причинителей вреда прекращались в связи

с исключением виновности лица и уголовной ответственности. Такой подход породил разные точки зрения на правовую природу крайней необходимости, некоторые полагали, что положения УК РСФСР 1926 года позволяют рассматривать ее как противоправное деяние, не влекущие наказания и иной ответственности, другие считают, что в соответствии с данным законом крайняя необходимость представляла собой обстоятельство, исключающее преступность деяния.

Несмотря на существование общей нормы, регламентирующей крайнюю необходимость, имелись и отдельные положения, указывающие на то, что некоторые ее признаки позволяют смягчить ответственность, среди них: угроза принуждения, наличие служебной или материальной зависимости, стечение тяжелых жизненных обстоятельств, голод, нужда (ст. 48). В ст. 140, предусматривающей уголовную ответственность за аборт, указывалось, что ответственность за его производство не наступает в том случае, когда продолжение беременности несло угрозу для здоровья или жизни женщины.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. впитали в себя достижения научной мысли, в связи с чем, критерии «безнаказанности» вреда, причиненного в состоянии крайней необходимости, были регламентированы более четко, чем ранее. Подобные положения стали следствием происходившей в 1950-х годах дискуссии среди исследователей, поскольку некоторые из них полагали, что причинение вреда в состоянии крайней необходимости не влечет общественной опасности, другие считали, что в данном случае вред не только неопасен, он является необходимым, общественно полезным. Несомненным достижением Основ 1958 г. являлось закрепление на законодательном уровне термина «крайняя необходимость», поскольку ранее в правовых источниках он не употреблялся, несмотря на то, что условия и признаки данного обстоятельства находили отражение в нормативных положениях. При этом, было четко определено, что в случае совершения в состоянии крайней необходимости действий, подпадающих под признаки запрещенного уголовным законом деяния, не являются преступными.

Еще одним новшеством являлось включение в число охраняемых благ интересов общества, но приоритетными продолжали оставаться интересы государства, что было обусловлено советской идеологией.

В то же время, несмотря на безусловно положительные новеллы института крайней необходимости, получившей закрепление в Основах 1958 г., сохранялись и определенные недостатки ранее существовавшего законодательства, в частности, не предусматривалась возможность предотвращения в состоянии крайней необходимости угрозы путем бездействия.

Для советской уголовно-правовой доктрины 1960-1980-х гг. было характерно признание крайней необходимости некриминальным и общественно полезным деянием. При этом, в качестве основного критерия определения допустимости причинения вреда выступала цель – устранение опасности. При этом определялось, что устранить вред возможно в период с момента ее возникновения и до устранения. Все указанные положения и достижения предыдущих нормативных актов нашли свое закрепление в УК РСФСР 1960 г. В нем продолжилось закрепление правовой регламентации крайней необходимости и необходимой обороны. В ст. 13 необходимая оборона была закреплена практически в том же виде, что и в настоящее время, разрешалась защита от общественно опасного посягательства, вне зависимости от того, была ли возможность данного нападения избежать либо обратиться к кому-либо за помощью. Правомерным причинение вреда признавалось при условии, что не было допущено превышения пределов необходимой обороны, которые трактовались как умышленные действия, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства [Матова, с. 189]. Крайней необходимости была посвящена ст. 14. Формулировка данной нормы была достаточно сложной, но достаточно полно отражающей содержание крайней необходимости: «Не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного Особенной частью настоящего Кодекса, но совершенное в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности,

угрожающей интересам Советского государства, общественным интересам, личности или правам данного лица или других граждан, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена другими средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный вред». Основными защищаемыми благами признавались государственные и общественные интересы [Матова, с. 190]. Дальнейшее развитие института крайней необходимости и необходимой обороны приходится на период распада СССР, когда были разработаны модельные кодексы, содержащие разработки ученых 70-80 гг. Но в Основах уголовного законодательства СССР 1991 г. своего закрепления указанные положения не нашли.

После принятия Конституции Российской Федерации 1993 г [Конституция], были внесены и существенные изменения в уголовное законодательство. Дальнейшее существенное реформирование института обстоятельств, исключающих преступность деяния, связано с принятием действующего Уголовного кодекса Российской Федерации [Уголовный кодекс] (далее – УК РФ).

Итак, отдельные обстоятельства, исключающие преступность деяния, получают свою регламентацию на ранних этапах российского государства, но первоначально преступность исключалась лишь в случае необходимой обороны, постепенно данный перечень продолжал расширяться.

Необходимая оборона впервые регламентирована положениями Русской правды применительно к защите собственности, позднее она распространяет свои действия и на личные, естественные права граждан. Сущность рассматриваемого обстоятельства с конца дореволюционного периода практически не изменяется в уголовном законодательстве советского государства, и в том же виде сохраняется до настоящего времени.

Первые предпосылки появления такого обстоятельства, исключающего преступность деяния, как крайняя необходимость, появились в древнеримском праве, которое предусматривало исключение ответственности лица в случае причинения имущественного вреда в силу страха перед наиболее опасными

последствиями (преимущественно, вследствие природных сил). В средние века институт крайней необходимости получает свое широкое развитие в европейских теориях, когда стали выделять субъективный и объективный критерии, вследствие которых деяние не должно влечь ответственности. Субъективный критерий заключался в наличии особого психического состояния у лица, действующего в состоянии крайней необходимости, а объективный – в причинении зла, которое лицо рассматривало как меньшее по сравнению с предотвращенным. В российском государстве формирование института крайней необходимости происходит существенно позднее, первые его зачатки появляются в Соборном уложении 1649 г. и длительное время не влекут ответственности или считаются совершенными при смягчающих обстоятельствах лишь отдельные деяния, причинившие вред в силу крайней необходимости. Преимущественно в обоснование исключения ответственности в случае крайней необходимости закладывались следующие положения:

- бессмысленность введения уголовной ответственности за деяния, совершенные в силу крайней необходимости, по причине того, что угроза кары в будущем не может удержать от желания обезопасить себя от какой-либо угрозы даже путем причинения вреда;

- невозможность постановки обычного человека в условия, когда он был бы способен пожертвовать своей жизнью, чтобы не лишать шанса на спасение другого;

- возникновение у лица в состоянии крайней необходимости особого состояния определенной невменяемости, вызванной страхом;

- безусловность инстинкта самосохранения, вынуждающего лица причинять вред другому для спасения себя;

- отсутствие общественной опасности лица, которое причиняет вред в состоянии крайней необходимости.

Формирование института крайней необходимости в российском государстве приходится на период принятия Уложения 1903 г., которое систематизировало ранее существовавшие подходы к регламентации данного

института. В данном документе раскрывается правовая природа крайней необходимости, в рамках которой деяние, совершенное в состоянии крайней необходимости, признается неправомерным, но не влекущим уголовной ответственности, а в ряде случаев влечет последнюю, но с учетом признания крайней необходимости смягчающим обстоятельством. Безусловной заслугой рассматриваемого правового источника является расширение перечня оснований, при которых причинение нарушителем вреда охраняемым интересам рассматривается как крайняя необходимость, поскольку, помимо охраны жизни были включены охрана здоровья, целомудрия, свободы и имущества. Именно Уложение 1903 г. сыграло существенную роль в формировании современной системы обстоятельств, исключающих преступность деяния и определении в данной системе места крайней необходимости.

В советский период развития уголовного законодательства, институт крайней необходимости вообрал в себя многие положения дореволюционных правовых актов, первоначально долгое время причинение вреда в данном состоянии рассматривалось как противоправное, но не влекущее негативных последствий в виде уголовной ответственности, а определение состояния крайней необходимости осуществлялось на основании объективного критерия, в том случае, когда причиненный вред был меньше предотвращенного. Субъективное восприятие нарушителем опасности и причиняемого вреда не учитывалось. Термин «крайняя необходимость» впервые был закреплен лишь в Основах 1958 г., как и неприступность действий, повлекших причинение вреда в состоянии крайней необходимости. Выделение крайней необходимости в качестве самостоятельного обстоятельства, исключающего преступность деяния, регламентация ее в отдельной норме, произошло лишь с принятием и введением в действие УК РФ.

В целом можно сделать вывод о том, что крайняя необходимость в российском уголовном праве прошла длительный путь эволюции, трансформируясь на различных этапах из причины, исключающей вину, в

обстоятельство, смягчающее наказание, затем – в обстоятельство, освобождающее от уголовной ответственности, и, наконец, в обстоятельство, исключаящее преступность деяния. Постепенно пришло и осознание деяния в состоянии крайней необходимости как общественно полезного. На протяжении всего периода развития института крайней необходимости, менялись критерии соотношения причиненного вреда с предотвращенным, обновлялся перечень источников угроз опасности и способов их устранения. Аналогичным образом претерпевала преобразования и необходимая оборона. Можно утверждать, что постепенно происходила гуманизация анализируемых институтов, что оказало положительное влияние на стимулирование полезных поведенческих мотивов.

С принятием действующего УК РФ, законодателем произведена систематизация норм, регламентирующих обстоятельства, исключаящие преступность деяния, им посвящена отдельная глава, где сформирован исчерпывающий перечень таких обстоятельств.

1.2. НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА И КРАЙНЯЯ НЕОБХОДИМОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ

Действующий УК РФ сделал значительный шаг в развитии правовой регламентации необходимой обороны и крайней необходимости, а также остальных обстоятельств, исключаящих преступность деяния, сформировав соответствующие нормы в отдельной гл. 8 УК РФ.

Для понимания сущности данных обстоятельств, видится необходимым анализ их признаков. При этом, к их определению существуют различные подходы, заслуживает внимания позиция М.Р. Галимова, выделившего следующие общие признаки рассматриваемых обстоятельств: являются актами человеческого поведения; схожи с преступлениями; правомерны [Галимов, с. 22]. Анализируя указанный подход, полагаем, что он содержит один существенный недостаток – общие признаки составляющих одного института

должны представлять собой характеристику если не всех их, то хотя бы большинства, но признак свободы воли к числу указанных требований не относится. Поэтому попробует предложить свою систему признаков, посредством которых можно охарактеризовать рассматриваемые обстоятельства.

1. Вред, который лицо причиняет при указанных обстоятельствах, сходен с преступлением (например, умышленное причинение вреда здоровью, убийство, поскольку имеют место такие же действия, те же последствия) [Механошина, с. 68]. Считаем, что обстоятельство, исключаящее преступность деяния, всегда исключает и наличие вины, в силу осознания лицом целесообразности своего поведения, влекущего причинение вреда, соответственно, здесь не может быть осознания общественной опасности действий.

2. Вред практически всегда причиняется поведением человека.

3. Поведение человека не является преступным, что и определяет объединение данных обстоятельств и их обобщенное наименование. Однако, здесь дискуссионным является вопрос о том, каким должно признаваться поведение человека в таком случае. Наиболее распространена точка зрения о том, что здесь поведение является общественно полезным [Гогин, с. 117] или социально допустимым [Кибальник, с. 15]. Но есть и мнение о том, что подобное поведение человека должно рассматриваться в качестве социально опасного [Добрынина, с. 792]. Представляется, что подобную позицию сложно признать верной.

4. Особая обстановка, обуславливающая наличие оснований причинить вред и соответствующее поведение человека. Такая обстановка может быть создана, к примеру, общественно опасным посягательством, совершаемым другим лицом, либо стихийным бедствием и т.д.

До сих пор дискуссионным является вопрос об определяющем факторе отнесения тех или иных обстоятельств к числу исключаящих преступность деяния. Достаточно серьезное исследование данного вопроса проведено А.В. Зеленовым на основе тех позиций, которые были характерны для исследователей советского периода, что позволило ему выявить 3 основных подхода, имеющих по данному вопросу. Первый базируется на том, что

обстоятельства, исключают преступность деяния, могут иметь место лишь при отсутствии общественной опасности. С позиций второго определяющим является отсутствие противоправности. Третьи считают, что рассматриваемые обстоятельства могут иметь место лишь при отсутствии всех признаков преступления [Зеленов, с. 243]. С нашей точки зрения, необходимо признать верную третью из приведенных позиций.

Полагаем, что значимой является высказанная А.В. Зеленовым позиция по поводу того, что необходима совокупность юридически значимых признаков, которая и связывает все анализируемые обстоятельства. К числу таковых указанный исследователь отнес следующие:

- если анализировать вред, причиненный лицом вследствие указанных обстоятельств, то следует признать, что в соответствии с объективными признаками он всегда преступный

- совершившее определенные действия лицо отвечает всем обязательным признакам субъекта преступления, но вред не признается причиненным в силу фактической или юридической ошибки;

- на лицо, причиняющее вред, в процессе совершения того деяния, которое его повлекло, всегда оказывается воздействие со стороны определенного внешнего фактора, именно это и приводит к непризнанию содеянного противоправным;

- для того, чтобы был исключен признак противоправности действий лица, должны быть соблюдены определенные законом критерии правомерности [Зеленов, с. 243]. Следует проанализировать и название гл. 8 УК РФ, современный законодатель его заимствовал из ранее действующего уголовного закона, однако, сейчас исследователи отмечают, что наименование гл. 8 УК РФ не в полной мере соответствует сущности обстоятельств, исключаящих преступность деяния.

А.И. Трахов, к примеру, считает, что «существующее наименование гл. 8 УК РФ не может рассматриваться как соответствующее ее содержанию, поскольку в нормах данной главы указываются не обстоятельства. Законодатель в указанных нормах сосредоточил определенные деяния, которые

совершаются при исключаяющих преступность деяния обстоятельствах [Трахов, с. 64].

Согласимся, что вряд ли можно рассматривать название гл. 8 УК РФ как полностью соответствующее обстоятельству, включенных в нее, поскольку анализ иных положений закона позволяет утверждать о существовании иных обстоятельств, правовая природа которых несколько иная, но в широком смысле они также влекут признание деяния непроступным. Такими обстоятельствами, например, являются малозначительность, невменяемость и т.д.

Интересна позиция о возможности выделения двух групп обстоятельств, при наличии которых деяние не является преступным. Данные обстоятельства содержатся в Общей части УК РФ. При этом, те обстоятельства, которые законодатель признает таковыми, сосредоточив их в гл. 8 УК РФ, исследователи считают необходимым рассматривать в качестве обстоятельств второй группы, а в первую группу предлагается включать обстоятельства, которые исключают уголовную ответственность [Моллаев, с. 36]. Аргументом того подхода выступает тот факт, что и обстоятельства, которые исключают уголовную ответственность, в целом исключают и преступность деяния. Полагаем, что предложенное название является удачным, однако, все же видится целесообразным сделать акцент на том, что законодатель скорее ведет речь не об исключении преступности, а о возможности причинить вред. Поэтому более целесообразным было бы гл. 8 УК РФ назвать «Разрешенное причинение вреда при обстоятельствах, исключаяющих преступность деяния».

Определившись в целом с сущностью обстоятельств, исключаяющих преступность деяния и их системой, перейдем к анализу необходимой обороны, которая регламентирована ст. 37 УК РФ. Исходя из ч. 1 данной статьи, причинение вреда не будет преступлением, если имело место данное обстоятельство, представляющее собой защиту от посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни, либо с угрозой его применения. При этом, угроза может быть не только непосредственно в отношении обороняющегося, но и в отношении иных лиц.

Оборона допускается и от посягательств, с опасным насилием не сопряженных, но в данном случае необходимо соблюдение пределов необходимой обороны. Если же они превышены – оборонявшийся предпринял действия, которые характеру посягательства, его опасности не соответствуют, может наступить уголовная ответственность, в зависимости от того, какой именно вред был причинен.

Важное значение имеют условия, позволяющие признать действия совершенными в состоянии необходимой обороны, которые следует проанализировать подробно.

В качестве первого условия необходимой обороны выступает защита лицом своих интересов, интереса другого лица, государства или общества [Домрычева, с. 103]. Объектами необходимой обороны выступают жизнь и здоровье человека, свободу, честь, достоинство, имущество, жилище, иные охраняемые интересы [Матвейчук, с. 22]. Перечисленный круг объектов может быть защищен любым способом, разрешенным законодательно. Совершенно верным видится современный подход, в соответствии с которым допускается реализовать необходимую оборону не только для защиты человеком своей жизни, но и для защиты иных людей, даже совершенно посторонним действующему в оборонительных целях.

Второе условие необходимой обороны состоит в том, что необходимая оборона заключается в причинении нападающему вреда [Васильев, с. 93]. Пожалуй, самый эффективный способ оборонительных действий - контрнападение, что, как представляется, и обусловило позицию законодателя о том, что допускается обороняться любыми допустимыми способами даже при наличии возможности обратиться за помощью к другим лицам или избежать нападения. В данном случае просматривается акцент на социальную полезность действий обороняющегося, наличие в них профилактической направленности, поскольку при избежании нападения вряд ли можно быть уверенным в том, что нападающий не изберет иную цель для причинения вреда, тогда как

контрнападение и обезвреживание нападающего позволяет исключить подобную возможность.

Следует учитывать, что ситуация, в которой требуются оборонительные действия, всегда стрессовая, в связи с чем, достаточно сложно определить, каким именно образом можно противодействовать нападающему, особенно в том случае, когда их несколько. Осознавая данный факт, высшая судебная инстанция дала разъяснения о возможности применения мер защиты к любому из посягающих, руководствуясь при этом характером и опасностью не каждого конкретного лица, а всей групп [Постановление Пленума]. Данный подход, безусловно, определяется тем, что при групповом нападении обороняющийся воспринимает всю обстановку единой целостной картиной.

Далеко не всегда нападению можно противодействовать без использования каких-либо орудий, поэтому законодательно определено, что допускается в оборонительных целях использовать устройства, посредством которых может быть причинен физический вред. Однако, необходимо соблюсти условие о не причинении вреда с помощью данного устройства иным лицам, не имеющим отношения к нападению [Матвейчук, с. 21].

Еще одним условием необходимой обороны является своевременность, поскольку непроступной защитой будет признана лишь та, которая реализуется одновременно с опасным посягательством. После его прекращения применяемое насилие будет находиться за рамками необходимой обороны. При этом, сложно спорить с исследователями, отмечающими сложности в определении того момента, когда нападение было прекращено [Добрынина, с. 792]. Представляется, что именно данный фактор и был учтен высшей судебной инстанцией, отметившей, что в случае наличия у обороняющегося ошибки при определении момента окончания нападения, то есть, когда оно фактически уже окончено, но обороняющийся считает иначе, действия последнего должны быть признаны правомерными. Также правомерным причинение вреда, охватываемым состоянием необходимой обороны, считается в случае приостановления нападения, а не прекращения.

Также одним из важнейших условий необходимой обороны является запрет на действия, явно не соответствующие характеру и опасности посягательства. Они будут представлять собой превышение пределов необходимой обороны. При этом, нельзя не отметить, что данное условие определить достаточно трудно, так как обороняющийся, в силу сложившейся стрессовой ситуации, далеко не всегда способен определить, насколько опасным является посягательство и каков его характер. Поэтому законодательно определено, что не будет являться превышением пределов необходимой обороны причинение вреда в том случае, когда у обороняющегося отсутствовала возможность объективной оценки нападения. Все это позволяет утверждать о наличии данного условия лишь в тех ситуациях, когда причиняемый вред совершенно очевидно несоразмерен действиям нападающего.

Например, в случае совершения лицом действий, неспособных очевидно причинить вред здоровью (нанесение пощечины, толчки, щипки), нанесение в ответ ударов, которые способны повлечь смерть, причинение тяжкого вреда здоровью, явно будет не соответствовать посягательству и образовывать превышение пределов необходимой обороны [Егорова, с. 13].

Соответственно, необходимой обороной могут быть признаны лишь действия, совершаемые при соблюдении определенных условий, когда превышение пределов не было допущено, в ином случае, если имеются признаки состава преступления, обороняющийся будет подлежать уголовной ответственности. Можно привести следующий пример. М. были замечены Т. и А., переносившие огнестрельное оружие, в связи с чем высказал в их адрес правомерное требование с просьбой предъявить соответствующие документы, однако А. и Т., игнорируя высказанное требование, наставили оружие на М., отказываясь предъявить документы и потребовав, чтобы он дал им возможность беспрепятственно пройти. После того, как на требование бросить оружие, А. выстрелил в направлении М., а Т. стал к нему приближаться, М., опасаясь за свою жизнь, выстрелил в грудь А. и в шею Т., в результате чего

указанные лица скончались. Суд первой инстанции усмотрел в действиях А. деяние, предусмотренное п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, но Судебной коллегией Верховного Суда РФ вынесен оправдательный приговор в связи с наличием в действиях М. необходимой обороны [Апелляционное определение от 09.02.2017].

Полагаем, что в настоящее время в ст. 37 УК РФ необходимая оборона регламентирована путем использования слишком общих формулировок, затрудняющих определить, в каком случае будет иметь место нарушение ее пределов, а в каком случае действия лица должны признаваться правомерными. Полагаем, что следовало бы более четко прописать в ст. 37 УК РФ, в каких случаях может быть причинен вред вплоть до лишения жизни, что позволит решить проблемы в правоприменительной практике.

С. 39 УК РФ регламентирована крайняя необходимость, сущностью которой выступает причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам, для устранения большей опасности охраняемым законам интересам, при невозможности ее устранения иными средствами. Преступным причинение такого вреда не будет при условии, что не нарушены пределы крайней необходимости, когда предотвращенный вред меньше либо равен причиненному. При этом следует учитывать, что факторы, вызвавшие состояние крайней необходимости, могут быть совершенно различными. К ним относятся любые чрезвычайные происшествия, неисправности оборудования и механизмов, действия людей или животных и т.д. [Медведев, с. 110].

Для того, чтобы четко составить себе, в чем заключается сущность необходимой обороны, можно привести следующий условный пример. При управлении транспортным средством, водитель, перевозящий пассажиров, с соблюдением правил дорожного движения, двигаясь по своей полосе дорожного движения, видит выезжающее ему навстречу другое транспортное средство, осознавая при этом, что экстренное торможение не позволит избежать столкновения в силу высокой скорости встречного транспорта и небольшого расстояния до него. Выезд на встречную полосу в данной ситуации

также невозможен в силу ее загруженности. Водитель осознанно идет на нарушение правил дорожного движения, совершая резко выезд на обочину, где не справляется с управлением, вследствие чего автомобиль переворачивается. В итоге пассажиры получают телесные повреждения вплоть до тяжкого вреда здоровью. Действия водителя в данной ситуации должны рассматриваться как совершенные в состоянии крайней необходимости, поскольку им были предприняты меры по предотвращению более серьезного вреда, который был неминуем в случае лобового столкновения с другим транспортным средством.

Можно обратиться и к примерам из правоприменительной практики. Так, в отношении Д. был вынесен обвинительный приговор судом первой инстанции по ч. 1 ст. 222 УК РФ. Защитником Д. было принято решение об обжаловании данного судебного решения и ходатайстве о прекращении дела в отношении его подзащитного. В качестве аргументов, обосновывающих ходатайство, защитник указал, что действия, которые были произведены Д. с оружием, были обусловлены его стремлением не допустить применение данного оружия К. в отношении какого-либо лица. Данный факт нашел свое отражение в решении суда первой инстанции, однако последний счел, что не могут рассматриваться действия Д. как совершенные в условиях крайней необходимости в силу того, что карабин он изъял из шифоньера К. не в момент совершения преступления, а после того, как К. высказал угрозы в адрес нескольких лиц, направляя на них оружие и убрал его в шифоньер, то есть, когда у него имелась возможность устранения опасности иными средствами.

Проанализировав материалы дела, а также приводимые защитником аргументы, кассационная инстанция сделала вывод о том, что решение суда первой инстанции является незаконным и необоснованным, поскольку изъятие оружия не в момент преступления не может безусловно свидетельствовать о том, что отсутствуют признаки крайней необходимости и завладение данным оружием образует преступление. Кроме того, указав в своем решении о том, что имелись иные способы устранения опасности, суд первой инстанции при этом не привел их в приговоре. Не была учтена и обстановка по месту

жительства К. и состояние последнего, на основе анализа которых Д. и было принято решение о необходимости изъятия огнестрельного оружия. Приговор в отношении Д. был отменен [Кассационное определение от 04.09.2016].

В качестве одного из факторов постановки в крайнюю необходимость следует назвать агрессию животных. К примеру, можно представить себе ситуацию, когда на улице на какое-либо лицо пытается напасть животное, и для собственного спасения, данное лицо выламывает дверь находящегося рядом магазина, скрываясь в его помещении от животного. Причиненный материальный ущерб вследствие повреждения двери в данном случае будет иметь место при крайней необходимости.

Можно также привести и пример возникновения состояния крайней необходимости в силу физиологического состояния организма. К примеру, если у женщины неожиданно начинаются на улице быстротечные роды, другое лицо может принять решение о необходимости завладеть чужим транспортным средством для того, чтобы доставить ее в медицинское учреждение. Аналогичное решение может быть принято в случае необходимости доставки в приемный покой раненого, пострадавшего от укуса змеи и т.д. В таком случае лицо, действующее в состоянии крайней необходимости, обусловленной необходимостью спасения жизни человека, не должно нести ответственность за угон, поскольку преступность деяния исключается.

Вызвать состояние крайней необходимости способна неисправность в различных механизмах, машинах, оборудовании. Представим ситуацию, в которой работающим механизмом на предприятии будет затягиваться за руку работник, что чревато риском попадания человека целиком в механизм и перерубанием его на части. Напарник в данной ситуации может предпринять меры для спасения работника, отрубив ему руку. В данном случае будет иметь место умышленное причинение вреда – отрублена рука, однако, это позволит предотвратить более опасный вред – причинение смерти. Поэтому в действиях лица, отрубившего руку напарнику, не будет состава преступления, поскольку оно действовало в состоянии крайней необходимости [Сумец, с. 578].

Крайняя необходимость может возникнуть и вследствие чрезвычайных происшествий различного характера. Рассмотрим условный пример. В доме возникает пожар, в котором находятся женщина, ее малолетняя дочь и престарелая мать. Осознавая, что двоих спасти она не в состоянии, женщина выносит из огня ребенка, оставив в горящем доме мать. Формально здесь просматривается состав оставления в опасности, однако, поскольку имеет место крайняя необходимость, действия женщины будут являться не преступными, правомерными. Сюда же можно отнести ситуации, когда в целях спасения основной части экипажа морского судна, осуществляется затапливание отдельных отсеков и блокировка выходов из них, в результате чего может погибнуть несколько членов экипажа, находящихся в данных отсеках.

Следует уделить внимание и правовой природе крайней необходимости, которая является дискуссионной. Первая позиция сводится к тому, что не обладают общественной опасностью действия, совершенные в состоянии крайней необходимости [Рулева, с. 103]. Вторая позиция заключается том, что в рассматриваемой ситуации «имеет место коллизия охраняемых законом общественных отношений, когда путем причинения меньшего вреда спасается большее» [Пшеничный, с. 276]. Наиболее верной видится вторая из приведенных точек зрения, поскольку из анализа законодательных положений четко следует, что предотвращение более существенного вреда причинением меньшего является крайней необходимостью.

Спецификой рассматриваемого обстоятельства, исключающего преступность деяния, выступает тот факт, что в рамках крайней необходимости часто причиняется вред тем лицам, которые никоим образом не причастны к созданию опасной ситуации. Поэтому важным является соблюдение условий правомерности причинения вреда. В научном сообществе принято подразделять их на условия опасности и условия правомерности [Русинова, с. 109].

Условиями опасности являются следующие:

- наличие – опасность должна иметь место, существовать, быть неминуемой (возникла, но еще не устранена, соответственно, реальными являются опасения в отношении ее последствий) [Федько, с. 117];

- реальность – опасность существует в действительности, а не является предполагаемой, мнимой [Медведев, с. 109];

- невозможность устранения иным способом, без причинения вреда.

Условия правомерности крайней необходимости заключаются в следующем:

- лицом предпринимались меры по устранению опасности для себя и других лиц, общественных интересов, общественных и государственных интересов;

- действия были своевременны, влекущими меньший вред, чем предотвращаемый;

- иными мерами устранить существующую опасность было невозможно [Федько, с. 117].

При этом, причинение вреда не будет влечь ответственности лишь в том случае, когда не было допущено превышения пределов крайней необходимости. Несомненным достижением действующего законодательства является четкое определение, причинение какого вреда следует признавать превышением. Если причиненный вред больше предотвращенного, безусловно, имеет место превышение пределов крайней необходимости. По поводу ситуаций, когда предотвращенный вред равен причиненному, ранее шли активные дискуссии в науке, но сейчас споры разрешены, законодатель подобные ситуации признает превышением пределов крайней необходимости [Нурджанян, с. 35]. Но в качестве проблемы следует отметить, что не учтены ситуации, когда лицо в силу сложившейся обстановки ошибочно предполагает, что причиняемый вред будет менее предотвращенного.

Анализируя систему обстоятельств, исключая преступность деяния, и, в частности, входящие в нее необходимую оборону и крайнюю необходимость, следует уделить внимание значению данных обстоятельств. О

том, что исключаяющим преступность деяния обстоятельствам принадлежит значимая роль, свидетельствует уже само их наименование. Именно из него следует основное значение данных обстоятельств: исключение возможности привлечь к уголовной ответственности лицо, если оно причинило вред интересам, стоящим под охраной уголовного закона, при наличии определенных условий, обстоятельств. Если же те пределы, которые определены для данных обстоятельств, нарушаются, то исключение ответственности не происходит, но будет иметь место ее смягчение.

Интерес представляет позиция П.Н. Кобец, который полагает, что данным обстоятельствам присуще три основных значения:

1. В случае наличия условий правомерности, предусмотренных для конкретного обстоятельства, исключаяющего преступность деяния, уголовная ответственность исключается.

2. В том случае, когда изначально имеет место исключаяющее преступность обстоятельство, но лицо условия его правомерности нарушает, уголовная ответственность наступает, однако в смягченном виде, поскольку данные обстоятельства отнесены законодателем к числу смягчающих наказание. Здесь имеется только одно исключение – ч. 1 ст. 40 УК РФ.

3. В том случае, когда имеют место такие исключаяющие преступность деяния обстоятельства, как необходимая оборона, задержание совершившего преступление лица или крайняя необходимость, превышение пределов причинения вреда влечет уголовную ответственность, но в смягченном виде, по соответствующей норме, устанавливающей ответственность за привилегированные составы [Кобец, с. 95].

Проанализируем приведенные значения рассматриваемых обстоятельств более подробно.

Во-первых, значение таких обстоятельств в том, что они исключают уголовную ответственность. В основе данного положения лежит тот факт, что совершение лицом каких-либо действий в определенной ситуации, не может признаваться неправомерным. Цель такого подхода, как представляется,

заключается в необходимости стимулировать правомерное поведение лиц, которые проявили инициативу, чтобы решить значимые вопросы, зачастую – предотвратить более существенный вред.

Во-вторых, рассматриваемые обстоятельства смягчают наказание в соответствии со ст. 61 УК РФ, но это имеет место только в случае, когда они не учтены в нормах Особенной части УК РФ. К примеру, если лицо совершит убийство при превышении пределов необходимой обороны, ответственность оно будет нести по ч. 1 ст. 108 УК РФ, а в качестве смягчающего обстоятельства состояние необходимой обороны рассматриваться не будет. Если же убийство будет совершено при превышении пределов крайней необходимости, ввиду отсутствия соответствующей нормы в Особенной части УК РФ, то в данном случае будет иметь место соответствующее смягчающее обстоятельство.

В-третьих, некоторые исключаящие преступность обстоятельства, могут оказывать влияние на квалификацию. Например, простое убийство, квалифицируемое по ч. 1 ст. 105 УК РФ, является особо тяжким преступлением, санкция предусматривает максимальное наказание до 15-ти лет. В том случае, если убийство совершено при превышении пределов необходимой обороны, ответственность наступает по ст. 108 и санкция не превышает двух (ч. 1) лет лишения свободы. Можно привести пример переквалификации содеянного лицом на менее тяжкое, поскольку было установлено, что оно действовало в силу необходимой обороны, но превысило ее пределы.

Судом первой инстанции в отношении Ш. был вынесен обвинительный приговор по ч. 1 ст. 105 УК РФ, при этом, были отражены обстоятельства, при которых совершено убийство: Ш. в ходе ссоры, взяв со стола нож, умышленно нанесла В. два удара в грудь, от чего он скончался. Ш. и ее защитником решение суда первой инстанции было обжаловано в апелляционном порядке, при этом указывалось, что не были учтены значимые обстоятельства, в частности, что ранее В. неоднократно избивал и истязал Ш., а перед тем, как

она нанесла ему удар ножом, высказывал в ее адрес угрозы убийством, при этом, повалив на пол и избивая. Поднявшись с пола, Ш., желая прекратить совершение в отношении нее противоправных действий со стороны В., схватила нож со стола и нанесла ему два удара ножом в грудь. Судебная коллегия произвела переквалификацию действий Ш. с ч.1 ст. 105 на ч. 1 ст. 108 УК РФ [Апелляционное определение от 27.07.20217]. Можно предположить, что смягчение наказания и ответственности в том случае, когда лицо нарушило определенные условия, позволяющие признать те или иные обстоятельства исключаящими преступность деяния, обусловлено действием лица для достижения социально-полезных целей, в связи с чем и целесообразно предоставление ему определенных «привилегий».

Таким образом, в гл. 8 УК РФ сосредоточен перечень деяний, не признаваемых преступными при наличии определенных обстоятельств, в связи с чем, более целесообразным видится изменение наименования данной главы следующим образом: «Разрешенное причинение вреда при обстоятельствах, исключаящих преступность деяния». В качестве одного из значимых обстоятельств выступает необходимая оборона, в соответствии с которым, причинение вреда в состоянии такой обороны не влечет признания деяния преступным, и, соответственно, уголовной ответственности, но при условиях, что данный вред причинен вследствие действий, осуществляемых своевременно, во время нападения, в целях защиты охраняемых законом интересов, и не было допущено нарушения пределов необходимой обороны.

Полагаем, что существующие законодательные формулировки вызывают существенные сложности в разграничении правомерных и неправомерных действий в состоянии необходимой обороны. В частности, уточнение, связанное с тем, что в случае защиты от несвязанного с опасным для жизни насилия нападения правомерна при недопущении пределов необходимой обороны, приводит к тому, что оценочный характер в данном случае не позволяет четко определять, какие действия должны считать правомерными.

Для решения указанных проблем предлагается внести ряд изменений в ст. 37 УК РФ:

- предусмотреть, что правомерным будет причинение любого вреда, вплоть до лишения жизни нападавшего, если в ходе нападения применялось насилие в виде нанесения неоднократных ударов, оружие или предмет, используемый в качестве оружия;

- упростить формулировки, используемые в ст. 37 УК РФ, вынеся определение необходимой обороны в примечание к данной норме.

Не менее значимым обстоятельством, исключающим преступность деяния, является состояние крайней необходимости, возникновение которого может быть обусловлено различными факторами, связанными и не связанными с волей лица. Преступность деяния исключается в том случае, когда крайняя необходимость является правомерной, то есть, при условии, что:

- лицом предпринимались меры по устранению опасности для себя и других лиц, общественных интересов, общественных и государственных интересов;

- действия были своевременны, влекущими меньший вред, чем предотвращаемый;

- иными мерами устранить существующую опасность было невозможно.

Представляется, что ст. 39 УК РФ также нуждается в упрощении формулировок.

Значение исключающих преступность деяния обстоятельств заключается в том, что они исключают уголовную ответственность за деяние, которое по своей сущности схоже с преступлением, но таковым не являются по причине наличия определенных обстоятельств. В том случае, когда преступление совершено при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, однако нарушены правила, которые для этого должны быть в обязательном порядке соблюдены, данный факт выступает в качестве условия смягчения ответственности в соответствии с нормами Особенной части УК РФ, либо условием смягчения наказания в силу п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕВЫШЕНИЕ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ И КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ

2.1. УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРЕВЫШЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

Превышение пределов необходимой обороны, как уже отмечалось, влечет за собой уголовную ответственность. При этом, вопрос о том, по какой норме должно быть привлечено лицо, совершившее преступление, решается в зависимости от степени причиненного вреда. В том случае, когда причинен средней тяжести или тяжкий вред здоровью, содеянное образует деяние, предусмотренное ст. 114 УК РФ, а если смерть – ч. 1 ст. 108 УК РФ. Как можно увидеть, существуют отдельные составы преступлений, которые принято именовать привилегированными, по которым и наступает ответственность виновного лица.

Приведем пример. К. судом первой инстанции осужден по ч. 1 ст. 108 УК РФ за убийство Л. Данное решение было обжаловано матерью Л. – Н., которая утверждала, что действия Л. не несли никакой угрозы К., в связи с чем, не было и оснований для необходимой обороны. Судебная коллегия установила, что, когда К. сидела на диване, Л. угрожал ей ножом, а при попытке К. его успокоить, Л. стал к ней приближаться с ножом в руке. Когда К. вставала с дивана, Л. попытался нанести ей удар ножом, но К. удалось его выхватить и нанести удар Л. ножом в спину, от чего он скончался. Апелляционной инстанцией приговор оставлен в силе, поскольку установлено, что действия Л. создавали реальную угрозу для жизни и здоровья К., но она допустила превышение пределов необходимой обороны, поскольку нанесенный ею Л. удар ножом не соответствовал характеру и опасности посягательства [Апелляционное определение от 28.08.2020].

Анализируя уголовную ответственность за причинение вреда при превышении пределов крайней необходимости, следует провести уголовно-правовой анализ таких деяний.

Объективная сторона рассматриваемых составов всегда представлена связкой элементов: деянием, последствием и причинной связью между ними. Данные элементы следует проанализировать более подробно.

Деяние в рамках преступлений, связанных с превышением необходимой обороны, может быть совершено исключительно путем активного действия. При этом, характеризуется оно рядом особенностей:

- действиям виновного обязательно предшествует посягательство со стороны лица, в отношении которого применяется насилие [Борисов, с. 21];
- достижение совершенными действиями преступного результата в виде смерти человека или причинения ему вреда здоровью (среднего либо тяжкого);
- причинная связь между преступными действиями и наступившим общественно опасным последствием - причинением смерти или причинением вреда [Гарбатович, с. 13].

Полагаем, что применительно к данному преступлению время может рассматриваться как обязательный признак объективной стороны, поскольку оно может быть совершено только в процессе посягательства или сразу после его окончания, когда для виновного момент окончания не является очевидным.

Если говорить о таком факультативном признаке рассматриваемых видов преступления, как место, следует отметить, что в основном данные преступления совершаются по месту жительства обвиняемого или потерпевшего, а также на улицах и в увеселительных заведениях. Данный вид преступления совершается как в семейно-бытовой сфере, так и в условиях уличной преступности, потерпевшим в данном случае может быть как знакомое, так и незнакомое виновному лицо. Обстановка совершения преступления характеризуется как конфликтная.

Применительно к орудию совершения преступления, можно отметить, что на квалификацию деяния оно влияния не оказывает, в то время как,

например, в случае умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, квалифицируемого по ст. 111 УК РФ, применение оружия либо предметов, используемых в качестве оружия, повышает уголовную ответственность. При превышении пределов необходимой обороны такой подход не используется, неважно, использовались ли какие-либо орудия для причинения вреда или нет.

С субъективной стороны рассматриваемые нами виды преступлений характеризуются только умышленной формой вины, это следует даже из того факта, что законодатель использует термин «убийство», а не «причинение смерти». При этом умысел, как правило, является неопределенным и внезапно возникшим, он может быть как прямым, так и косвенным.

Примером прямого умысла может являться следующий. 20 ноября 2016 года около 12 часов Г., находясь дома по своему месту жительства, распивала спиртные напитки со своими знакомыми Ч. и Н. В ходе распития спиртного в комнате квартиры между Г. и Ч. произошла ссора, в ходе которой Г. и Н. потребовали от Ч. уйти из квартиры Г. После этого Ч. вышел из комнаты в прихожую квартиры, Г. проследовала за ним. В прихожей квартиры между Г. и Ч. продолжилась словесная ссора, в ходе которой у Г. возник умысел на убийство Ч.

Г., около 12 часов 20 минут 20 ноября 2016 года взяла со стола в кухне квартиры кухонный нож и с целью убийства, умышленно, осознавая общественную опасность своих действий, предвидя реальную возможность наступления общественно опасных последствий и желая их наступления, нанесла Ч. лезвием ножа, удар в область нахождения жизненно-важных органов, в том числе сердца. Преступными действиями Г. потерпевшему Ч. было причинено проникающее колото-резаное ранение передне-левой поверхности грудной клетки с повреждением мягких тканей, пристеночной плевры, сквозным повреждением верхней доли левого легкого, поверхностным касательным повреждением наружной поверхности околосердечной сорочки, развитием левостороннего пневмоторакса (скопление воздуха) и кровотечения в левую плевральную полость объемом 1380 мл., которое обусловило

причинение тяжкого вреда здоровью по признаку опасности для жизни. От указанного проникающего колото-резаного ранения передне-левой поверхности грудной клетки Ч. скончался 20 ноября 2016 года на месте происшествия. Между получением проникающего колото-резаного ранения передне-левой поверхности грудной клетки и наступлением смерти имеется причинно-следственная связь [Приговор Тобольского городского суда от 12.12.2017].

Можно привести и пример рассматриваемого деяния, совершенного с косвенным умыслом. Ф. со своей матерью Н. и братом А. находились в принадлежащем Ф. домовладении, расположенном в садовом товариществе. Между Ф. и А. произошла ссора, поскольку А. стал высказывать претензии в адрес Ф. по поводу того, что данное домовладение принадлежит только ему, а не им обоим в равных долях. В ходе ссоры А. оскорблял и унижал Ф., высказывал в его адрес угрозу убийством, ударил его рукой по голове, а затем, удерживая, нанес множественные удары локтем и коленом в область туловища. Ф., пытаясь сопротивляться, укусил А. и вырвался, тогда А. схватил нож и попытался ударить им Ф., но последнему удалось выбить данный нож из руки А.

Далее Ф., понимая, что А. может причинить вред его здоровью или жизни, осознавая, что его действия не соответствуют характеру и степени общественной опасности посягательства А., не стремясь причинить ему смерть, но относясь к этому безразлично, считая, что посягательство со стороны А. на него не прекращено, ударил А. ножом в грудь, от чего последний скончался. Ф. осужден по ч. 1 ст. 108 УК РФ [Васяев, с. 194].

Исследуя субъекта преступления, следует отметить, что законодатель четко обозначил возможность осуществления защиты не только представителями власти, иными уполномоченными лицами, но и любыми другими. Соответственно, субъект причинения вреда при превышении пределов необходимой обороны - физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16-ти лет.

Итак, причинение вреда при превышении пределов необходимой обороны в ряде случаев влечет уголовную ответственность, квалификация деяния зависит от наступивших последствий. Уголовно-наказуемым является в таком случае причинение среднего либо тяжкого вреда здоровью, а также смерти, соответственно, если обороняющийся, превышая пределы, причинит легкий вред здоровью, его действия не будут уголовно-наказуемыми.

Объектом причинения любого вреда при превышении пределов необходимой обороны выступают жизнь и здоровье человека, объективная сторона состоит в объективных действиях, наступившем вреде и причинной связи между ними. Субъект преступления общий – вменяемое физическое лицо в возрасте от 16-ти лет, субъективная сторона представлена умыслом.

Полагаем, что законодательный подход, выстроенный на квалификации деяния в зависимости от причиненных последствий, нецелесообразен, поскольку здесь имеет место множество факторов. Прежде всего, это невозможность лица, действующего в состоянии необходимой обороны, определить, какие именно последствия наступят вследствие его действий. Сюда же следует отнести и особенности физиологического состояния организма каждого человека, например, один и тот же удар может повлечь одному человеку причинение легкого вреда здоровью, а другому-тяжкого. Зачастую исход причиненного тяжкого вреда зависит от своевременности оказания медицинской помощи, позволяющей спасти человека от смерти. Поэтому следовало бы предусмотреть одну норму, устанавливающую уголовную ответственность за причинение тяжкого вреда или смерти при превышении пределов необходимой обороны.

2.2. ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРЕВЫШЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ

Анализируя вопросы, связанные с уголовной ответственностью в случае превышения пределов крайней необходимости, следует обратить внимание на

тот факт, что отдельных норм, предусматривающих ответственность в случае причинения вреда здоровью в таком случае, не предусмотрено. Когда имеет место нарушение указанных пределов, ответственность наступает по общим нормам, в зависимости от того, какой именно вред был причинен.

Полагаем, что с одной стороны логика законодателя, не предусмотревшего никаких отдельных составов преступлений, совершенных при превышении пределов крайней необходимости, как это сделано в случае с превышением пределов необходимой обороны либо с превышением мер при задержании лица, совершившего преступление, не совсем ясна, казалось бы, следовало предусмотреть ответственность за убийство и причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов крайней необходимости.

С другой стороны, при превышении пределов крайней необходимости чаще причиняется иной вред, не только физический, в связи с чем предусмотреть все составы преступлений, совершаемых при превышении пределов крайней необходимости, невозможно.

Но все же, в действующей редакции УК РФ просматривается наиболее суровое отношение к совершению деяния в условиях крайней необходимости, чем к остальным видам обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Нарушение условий крайней необходимости законодатель рассматривает как смягчающее обстоятельство по п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Приведем пример квалификации превышения пределов крайней необходимости, повлекшего причинение смерти, содержащийся в одном из научных трудов. Так, органами предварительного расследования действия В., П., Х., К. и М. были квалифицированы по п. «а, ж, з, к» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Рассматривая данное уголовное дело с участием присяжных заседателей, суд пришел к следующим выводам. О. и Р. не являлись членами преступной группы, они вступили с соучастниками в сговор на убийство Г. и Т., приняли участие в приготовлении к совершению данного преступления, но затем действия, направленные на совершение убийства, были прекращены. Насилия к Г. О и Р. не применяли, а объективную сторону убийства Т. выполнили в том

случае, когда возникла реальная угроза их жизни. Поэтому суд пришел к выводу о наличии добровольного отказа в действиях О. и Р. в отношении убийства Г. Принимая участие в убийстве Т., О. и Р. действовали в условиях опасности для их жизни, предотвратить которую иным способом не могли. Но по характеру опасности, соотношение сохраняемого блага (жизнь подсудимого) и умышленно причиненного вреда (лишение жизни потерпевшего) явились равноценными, в связи с чем, в действиях О. и Р. суд усмотрел превышение пределов крайней необходимости [Лобанова, с. 89].

Вопросы, связанные с объективной стороной тех деяний, которые имеют место вследствие превышения пределов крайней необходимости, являются дискуссионными. Безусловно, в любом случае имеют место такие элементы объективной стороны преступления, как деяние, наступившие последствия и причинная связь между ними. Но вопрос о том, возможно ли превышение пределов крайней необходимости путем бездействия, остается актуальным. Представляется, что все же совершение таких деяний возможно преимущественно в форме активного действия, но исключать бездействие также нельзя. Полагаем, что бездействие формально может иметь место только в том случае, когда лицо не выполняет одну из нескольких возложенных на него обязанностей, например, не приняты меры по спасению какого-либо лица от угрожающей ему опасности. Но в данном случае следует руководствоваться нормой, предусмотренной ст. 125 УК РФ – оставление в опасности. Субъект данного деяния специальный – лицо, которое либо поставило потерпевшего в состояние опасности, либо было обязано оказать ему помощь, в том случае, когда это возможно. Полагаем, что могут вполне иметь место ситуации, когда в состоянии крайней необходимости лицо не может оказать помощь другому по причине крайней необходимости (например, мать, переходящая дорогу на красный свет с тремя детьми, замечает надвигающееся транспортное средство, и спасает лишь двоих детей, отнеся их с дороги, но не предприняв те же меры по отношению к третьему ребенку. В данном случае у матери отсутствовала возможность оказать помощь всем детям, соответственно, по ст. 125 УК РФ

она привлечена не будет, поскольку третьему ребенку (погибшему в дорожно-транспортном происшествии), она не имела возможности оказать помощь.

Таким образом, деяния, повлекшие причинение вреда в случае превышения пределов крайней необходимости, могут быть совершены лишь в форме действия. Относительно последствий, в ч. 2 ст. 39 УК РФ указано, что ответственность может наступить лишь в том случае, если вред причинен умышленно, степень вреда при этом не указана, что позволяет утверждать о наступлении уголовной ответственности в случае причинения любого вреда – имущественного, физического любой степени тяжести. Такой подход вряд ли можно признать верным, учитывая особые условия, в которых действует лицо, даже и превышая пределы крайней необходимости. Поэтому, полагаем, что ответственность должна наступать лишь в случае причинения тяжкого вреда здоровью или смерти, остальные случаи не должны расцениваться как преступление (например, причинение имущественного вреда в случае превышения пределов крайней необходимости).

В рамках анализа объективной стороны превышения пределов крайней необходимости важное значение является анализ некоторых ее элементов, которые принято именовать факультативными, так как они имеют место не в каждом преступлении. Применительно к рассматриваемой теме, следует сосредоточить внимание на таком обстоятельстве, как время, поскольку оно обладает важным значением в контексте устранения возникшей опасности. В данном случае имеет значение временной отрезок, в течение которого было совершено общественно опасное деяние, и установление данного временного отрезка может способствовать установлению возможных средств устранения возникшей опасности.

С объективной стороны превышение таких пределов выражается в том, что он не соответствует характеру и степени угрожавшей опасности, а также обстоятельствам, при которых такая опасность устранялась [Российское уголовное право, с. 102]. Например, при загорании одного из домов, чтобы предотвратить переход огня на другой, в последнем выбиваются окна и двери

для спасения оттуда людей. Однако, пожар так и не наступил, степень опасности не соотносилась с характером и степенью опасности.

С субъективной стороны превышение пределов крайней необходимости характеризуется исключительно умышленной виной- лицо, осознавая, что своими действиями причиняет вред, который явно не соответствует характеру и степени грозящей опасности, желает причинение такого вреда или сознательно его допускает. Когда имеет место прямой умысел, вопросов не возникает, поскольку лицо в таком случае предвидит, какой вред повлекут его действия и желает его наступления. Относительно косвенного умысла все не так однозначно, поскольку лицо четко не осознает, какие последствия наступят в результате его действий. Полагаем, что в случае превышения пределов крайней необходимости косвенный умысел заключается в следующем: лицом осознается, что применение выбранных им средств устранения опасности повлечет в обязательном порядке опасные последствия, но относится их наступлению безразлично [Лисица, с. 17].

Таким образом, можно отметить, что действующий УК РФ не содержит самостоятельных норм, устанавливающих ответственность за причинение вреда при превышении пределов крайней необходимости, в связи с чем, ответственность наступает в зависимости от причиненного вреда, на основании общих норм Особенной части УК РФ. Предусматривается лишь смягчение наказания в соответствии с п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ. Полагаем, что такой законодательный подход можно объяснить тем, что в результате превышения пределов крайней необходимости может быть причинен вред, в частности, имущественный. Но нет никаких сомнений в том, что в действующей редакции УК РФ просматривается наиболее суровое отношение к совершению деяния в условиях крайней необходимости, чем к остальным видам обстоятельств, исключаяющих преступность деяния. Представляется, что необходимо рассмотреть возможность внесения в УК РФ изменений, в соответствии с которыми для привлечения лица к уголовной ответственности за превышение пределов крайней необходимости будут предусматриваться более льготные

условия и ответственность за превышение ее пределов будет наступать исключительно в случаях причинения тяжкого вреда здоровью, а также в случаях причинения смерти. Это может быть сделано путем включения в УК РФ соответствующей нормы, по аналогии с теми, которые предусматривают причинение вреда при превышении пределов необходимой обороны.

ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕВЫШЕНИЕ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ И КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ, ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

3.1. ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ПРИ ПРЕВЫШЕНИИ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

Прежде всего, исследуя проблемы привлечения к ответственности при превышении пределов необходимой обороны, в качестве проблемы следует рассматривать допускаемые судами ошибки, когда лицо действует правомерно, а его действия рассматриваются в качестве превышения пределов. Так, приговором Ленинского районного суда г. Тюмени был вынесен обвинительный приговор в отношении К. по ч. 1 ст. 108, ч. 1 ст. 114 УК РФ. К. были инкриминированы следующие факты. Т. и Д., увидев на улице ранее незнакомого им К., решили совершить в отношении него грабеж. Увидев, что К. зашел в подъезд, Т. и Д. проследовали за ним. К. присел у стены подъезда в тамбуре подъезда, где закупил, Д. подошел к нему и начал снимать с его руки часы и кольцо, но К. стал оказывать сопротивление, тогда Д. начал избивать К., Т. присоединился и тоже стал наносить удары К. удары руками и ногами по лицу и телу. После этого К., пресекая преступные действия нападавших, при этом осознавая, что он превышает пределы необходимой обороны, достал из кармана складной нож, и умышленно нанес им удар Д. в живот, в результате чего причинил ранение брюшной полости, повлекшее смерть, а Т. – ранение в голову и живот, причинив тяжкий вред здоровью.

Апелляционным определением Тюменского областного суда данные решения были отменены, аргументировав свое решение следующим. К. пояснил, что, используя нож, он отмахивался от Т. и Д., защищаясь от наносимых ударов. Суд первой и апелляционной инстанции в обоснование квалификации действий К. как превышения необходимой обороны указал, что

на него напали двое лиц, когда он, будучи в состоянии алкогольного опьянения, сидел на корточках и не имел возможности встать в момент нападения, так как Т. и Д. стояли над ним и наносили ему удары. Так как соотношение сил нападавших и обороняющегося были неравными, К. применил нож, в то время как у нападавших никаких предметов, используемых в качестве оружия, не было. У К. имелись телесные повреждения, не повлекшие вреда здоровью, в то время как им нападавшим были причинены тяжкий вред и смерть. На основе этого, решения нижестоящих судов, исходя из обстановки, являются ошибочными. Жизни и здоровью К. угрожала реальная опасность, в связи с чем, его действия являются правомерными, он действовал в рамках пределов необходимой обороны, соответственно, в его действиях состав преступления отсутствует. Уголовное дело в отношении К. было прекращено [Постановление Тюменского областного суда от 27.02.2012].

Анализ следственной и судебной практики показывает, что довольно сложным вопросом является вопрос о разграничении преступлений, совершенных при превышении пределов необходимой обороны и преступлений, совершенных в состоянии аффекта.

За рассматриваемые деяния законодатель установил ответственность в том случае, когда в состоянии аффекта либо в состоянии необходимой обороны причиняется смерть, тяжкий вред здоровью или средней тяжести вред здоровью.

Надо отметить, что сущность разграничения рассматриваемых составов преступлений одинакова, в связи с чем, видится возможным рассмотреть вопросы разграничения данных преступлений на примере разграничения убийств. Для того, чтобы верно разграничить рассматриваемые деяния, нужно определить два основных момента: есть ли основания привлечения лица к ответственности за превышение необходимой обороны, не находилось ли лицо в состоянии аффекта при совершении деяния [Якушин, с. 26].

Сложности, связанные с отграничением анализируемых деяний друг от друга, поскольку они имеют существенные сходства. В частности, в обоих

случаях имеет место противоправное поведение потерпевшего. Более того, возможны и ситуации перерастания деяния, начавшегося в состоянии необходимой обороны, в преступление, совершенное в состоянии аффекта. В данном случае квалификация должна осуществляться по ст. 107 УК РФ.

Для того, чтобы определиться с разграничительными признаками рассматриваемых деяний, следует установить, в чем их различия. Прежде всего, имеются отличия в поводе совершения преступных действий. При необходимой обороне насилие со стороны потерпевшего практически обязательно, а при аффекте – может иметь место, а может и не иметь. Различна и характеристика насилия, его направленность и интенсивность. Когда применяемое потерпевшим насилие вызывает аффект, оно обычно направлено на унижение, оскорбление потерпевшего, а при необходимой обороне – насилие является составляющей нападения, от него требуется защита. Соответственно, различаются и признаки ответа на насилие потерпевшего, в случае аффекта действия виновного – не единственный выход из ситуации, это в определенной степени месть, выброс эмоций. Обороняющимся же насилие применяется в целях самозащиты или защиты другого лица.

При совершении убийства в состоянии аффекта обычно разрыв во времени между действиями потерпевшего и виновного минимален, но возможны и более длительные промежутки, убийство же при превышении пределов необходимой обороны совершается либо в момент угрожающих действий со стороны потерпевшего, либо непосредственно сразу после их прекращения.

Разграничительными моментами анализируемых преступлений выступают признаки, характеризующие мотив и цель. Так, для убийства, ответственность за которое наступает в соответствии с ч. 1 ст. 108 УК РФ, на первом месте стоит мотив предотвращения посягательства, в то время как при совершении убийства в состоянии аффекта мотив обусловлен именно состоянием аффекта.

Также разграничительным критерием выступает цель совершения преступления. Целью субъекта при совершении преступления, предусмотренного ст. 107 УК РФ, является устранение отрицательных проявлений: насилия, издевательств, тяжких оскорблений со стороны потерпевшего, а также ликвидация длительной психотравмирующей ситуации, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего. При превышении пределов обороны цель – предотвращение посягательства, угрожающего непосредственным причинением физического или материального вреда [Никитин, с. 12].

Кроме того, в рамках рассмотрения проблемных вопросов квалификации необходимой обороны, видится необходимым проанализировать вопросы разграничения преступлений, совершенных при превышении необходимой обороны, с иными умышленными, а также с неосторожными преступлениями.

Так, убийство при превышении пределов необходимой обороны, в первую очередь, имеет сходство с таким составом преступления, как убийство, ответственность за которое предусмотрено ст. 105 УК РФ.

Вопросы разграничения рассматриваемых видов преступлений в следственной и судебной практике возникает нередко, это обусловлено тем фактом, что указанные составы соотносятся между собой как общая и специальная нормы, образуя их конкуренцию. Соответственно, если установлено, что в содеянном наличествуют признаки необходимой обороны, то такое деяние должно квалифицироваться по ч. 1 ст. 108 УК РФ [Козлов, с. 48].

При наличии у субъекта преступления такой цели, как защита от общественно опасного посягательства, деяние должно быть квалифицировано как совершенное при превышении пределов необходимой обороны, если же лишение жизни потерпевшего осуществляется тогда, когда угроза нападения устранена или посягательство удалось предотвратить, содеянное образует преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 105 УК РФ. Сложнее всего разграничение рассматриваемых деяний производить в случае причинения

смерти в драке. С одной стороны, убийство в драке представляет собой так называемое «простое», то есть, неквалифицированное убийство.

Можно привести следующий пример. П. органами расследования было инкриминировано деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 105 УК РФ, однако, государственным обвинителем в ходе судебного заседания был изменен объем обвинения, он утверждал, что действия П. должны быть квалифицированы по ч. 1 ст. 108 УК РФ, поскольку незадолго до убийства, Ф. постучал в дверь квартиры П., последний его не пустил, тогда Ф. попытался проникнуть против воли владельца квартиры П. в окно жилища последнего. П. потребовал от Ф. прекратить попытки проникновения в его квартиру, но Ф. проигнорировал данное требование. Тогда П. взял лежащий рядом кухонный нож и нанес им удар ножом в область шеи Ф., от чего наступила смерть последнего. Суд согласился с позицией государственного обвинителя, мотивируя это тем, что П. был выбран метод защиты, явно несоответствующий характеру и степени общественно опасного посягательства, поэтому его действия переквалифицированы на ч. 1 ст. 108 УК РФ [Приговор Ленинского районного суда от 06.02.2018].

Для того, чтобы правильно квалифицировать причинение смерти в ходе драки, в обязательном порядке надлежит устанавливать мотив, которым субъект руководствовался. Так, для типичного убийства в драке характерен хулиганский мотив, в то время как при убийстве при превышении пределов необходимой обороны мотивом является стремление предотвратить общественно опасное посягательство. Также возможны ситуации, когда убийство при превышении пределов необходимой обороны может обладать признаками ч. 2 ст. 105 УК РФ. В данном случае усматривается конкуренция двух специальных норм, которая разрешается в пользу нормы об уголовной ответственности за преступление, совершенное при смягчающих обстоятельствах, то есть, за деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 108 УК РФ.

Разграничение рассматриваемых составов также производится в соответствии с мотивом виновного лица и его целью.

Еще одним сложным вопросом является вопрос разграничения таких преступлений, как убийство в состоянии необходимой обороны и причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего причинение смерти по неосторожности. На наш взгляд, в данном случае разграничительный критерий состоит в разных формах вины. Так, преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 111 УК РФ совершается с двойной формой вины, а убийство при эксцессе необходимой обороны всегда является преступлением, совершаемым с прямым умыслом.

Говоря о составах преступлений, схожих с убийством при превышении пределов необходимой обороны, необходимо уделить внимание составу преступления, предусмотренного ст. 109 УК РФ - причинению смерти по неосторожности. Здесь также, как и в вышеуказанном случае, разграничение должно проводиться по форме вины, поскольку преступление, регулируемое ст. 109 УК РФ, всегда совершается с неосторожной формой вины, о чем прямо говорит диспозиция данной статьи. Нельзя не отметить, что и органы предварительного расследования и суды применяют меры о необходимой обороне не особо охотно, предпочитая вменить простой состав убийства вместо привилегированного, действуя по упрощенной схеме.

Подводя итог, можно сделать вывод, что в сфере уголовной ответственности за деяния, сопряженные с превышением пределов необходимой обороны, возникают многочисленные проблемы. Прежде всего, это квалификация по соответствующим привилегированным нормам действий, которые в действительности совершены правомерно. Во многом деяния, совершенные при превышении необходимой обороны, имеют сходство с деяниями, совершаемыми в состоянии аффекта. Данные виды преступлений имеют достаточное число схожих признаков. Так, для обоих видов преступления характерно насилие со стороны потерпевшего. Также, в целом, продолжительность реакции на насилие при совершении данных преступлений одинакова, как правило, реакция происходит в минимальный срок. В основном, разграничение данных видов преступления проводится по мотивам и целям. Мотивом и целью преступления при превышении пределов необходимой

обороны является предотвращение общественно опасного посягательства, при совершении преступления в состоянии аффекта- прекращение проявлений в отношении виновного отрицательных проявлений. Разграничить действия, предусмотренные ст. 107 и ч. 1 ст. 108 УК РФ, лишь по конкретному признаку состава преступления не представляется возможным. Для правильной квалификации содеянного необходимо оценивать все объективные и субъективные параметры преступного деяния в их совокупности.

Также нередки случаи, когда необоснованно действия, совершенные при превышении пределов необходимой обороны, квалифицируются без учета данного факта, по общим нормам, предусматривающим ответственность за причинение умышленного вреда здоровью или смерти. Возникают и проблемы при разграничении с иными привилегированными составами преступлений. В ряде случаев, таковые проблемы разрешаются высшими судами и действия лиц переквалифицируются на привилегированный состав, однако, в целом, таковая позиция следственной и судебной практики вызывает определенную озабоченность. Представляется, что подобная негативная тенденция никак не способствует социально-полезной цели наличия в уголовном законе обстоятельств, исключающих преступность деяния, поскольку несправедливые решения суда приводят к тому, что в случае нападения, к примеру, на других лиц, очевидцы предпочтут не вмешиваться и не предпринимать мер по защите.

С нашей точки зрения, все эти проблемы связаны с недостаточно корректной законодательной конструкцией норм о необходимой обороне, и предлагаемые выше изменения в УК РФ могут способствовать их разрешению, так как совершенствование законодательства позволит законопослушным гражданам легко ориентироваться в нормах УК РФ, четко понимать, в каких случаях какой вред может быть им причинен посягателю.

3.2. ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ПРИ ПРЕВЫШЕНИИ ПРЕДЕЛОВ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ

При квалификации деяний, совершенных при превышении пределов крайней необходимости, больше всего трудностей возникает при определении пределов допустимого вреда. Этот вопрос вызывает множество дискуссий в научной литературе, не имеется и его единого решения и в судебной практике. Так, к примеру, некоторые исследователи считают, что допускается причинение смерти человеку при необходимости спасения жизни нескольких людей. Другие придерживаются позиции о том, что, поскольку жизнь человека – наивысшая ценность, причинение смерти даже в случае крайней необходимости – это всегда превышение ее пределов [Станкевич, с. 194]. С данной точкой зрения мы никак не можем согласиться по той причине, что, во – первых, законодатель таких исключений в ст. 39 УК РФ не предусмотрел, во – вторых, прямо допустимо причинение смерти в случае наличия таких обстоятельств, исключающих преступность деяния, как необходимая оборона либо причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление.

Рассмотрим и другие проблемы определения пределов крайней необходимости. Так, нередко имеют место такие ситуации, когда временной промежуток очень маленький и оценить адекватно имеющуюся обстановку просто невозможно. Рассмотрим пример. Водитель, двигаясь по дороге на зеленый свет, видит, что на дороге появляется ребенок, с целью предотвращения наезда, как предписывают Правила дорожного движения, принял меры к экстренному торможению, но автомобиль продолжал тормозной ход. Понимая, что полной остановки достигнуть не удастся и наезд на ребенка будет совершен, водитель принял решение свернуть на обочину, где повредил дорогую иномарку, в то же время на другой стороне стоял недорогой отечественный автомобиль. Казалось бы, в случае столкновения с отечественным автомобилем причиненный вред был бы меньше в силу его меньшей стоимости, однако, в данной ситуации водитель не имел возможности

в силу ограниченности во времени адекватно оценить и просчитать данную ситуацию. Полагаем, что в данном случае действия водителя должны быть признаны допустимыми и правомерными, поскольку у него не имелось возможность с полной осмотрительностью предусмотреть создавшуюся обстановку.

Теперь рассмотрим данный пример, но с несколько иными последствиями. Так, если водитель совершит в аналогичных обстоятельствах столкновение с автомобилем, принадлежащим дипломату иностранного государства, то есть, будет иметь место нарушение норм международного права. Фактически, возникает коллизия интересов - столкновение жизни человека и безопасности иностранного государства. Полагаем, однако, что в данной ситуации не должно усматриваться превышения пределов крайней необходимости по той причине, что, во- первых, жизнь человека – всегда наивысшая ценность; во – вторых, в данной ситуации водитель вряд ли имел возможность определить принадлежность автомобиля.

Также рассмотрим несколько иную ситуацию, но имеющую определенное сходство. При возникшей необходимости спасения жизни лица, истекающего кровью на дороге в отдаленной местности, единственным транспортным средством, находящимся поблизости, является автомобиль иностранного дипломата, угон которого совершает лицо для того, чтобы доставить раненного в больницу. В данном случае возникает проблема, связанная с законодательной коллизией применительно не только к простым гражданам, но и сотрудникам правоохранительных органов, поскольку в п. 3 ст. 12 ФЗ «О полиции» [ФЗ «О полиции»] на сотрудников полиции возложена обязанность оказания помощи гражданам, при невозможности получения последними квалифицированной медицинской помощи, а п. 37 ст. 13 данного закона сотрудникам полиции предоставлено право использовать в нетерпящих отлагательств случаях транспортные средства граждан, организаций, за исключением транспортных средств, принадлежащих дипломатическим представительствам и консульским учреждениям иностранных государств,

представительствам международных организаций. Соответственно, в рассматриваемом примере право использовать указанное транспортное средство недопустимо. Получается, что в данном случае жизнь человека является менее ценным благом, чем собственность и безопасность другого государства. Представляется, что указанная проблема должна быть устранена путем внесения изменений в ФЗ «О полиции», должно быть предоставлено право использования любого транспортного средства, в том числе и дипломатического, когда нет возможности для спасения жизни человека использовать иное.

Много вопросов возникает в связи с тем, что следует признавать допустимым пределом крайней необходимости, то есть, причинение вреда каким объектом допустимо при определенных условиях, а каким – не допускается никогда. Полагаем, что более верным будет вести речь о существовании тех объектов, которым вред может быть причинен в любом случае для предотвращения наибольшего, а также тех, которым причинение вреда допускается лишь при определенных обстоятельствах. К первым видится возможным отнести имущество, так как имущественный вред наиболее восполним по сравнению с остальными, в то время как причинение вреда жизни и здоровью возможно лишь в случае, когда речь идет о спасении людей.

Как проблему квалификации деяний, совершенных при превышении необходимой обороны, следует рассматривать необходимость их с иными преступлениями, имеющими определенное сходство. Прежде всего, крайнюю необходимость надлежит отграничивать от необходимой обороны, сходство их заключается в том, что виновный стремится предотвратить определенную опасность. Однако, немало и различий в рассматриваемых деяниях:

- необходимая оборона всегда осуществляется в отношении лица, которое своими действиями угрожает обороняющемуся или иным лицам, охраняемым законом интересам, в то время как в крайней необходимости в качестве факторов создания опасности могут выступать разные факторы, а вред

зачастую причиняется тем лицам, которые не являются источником предотвращаемой опасности;

- необходимая оборона не будет образовывать преступление в случае применения вреда меньшего, равного или большего, чем предотвращенный, в то время как при крайней необходимости предотвращаемый вред всегда должен быть меньше причиненного;

- необходимая оборона возможна и в тех случаях, когда защитить охраняемые законом интересы можно другим путем, без причинения вреда (избежать нападения, обратиться за помощью), а при крайней необходимости – причинение вреда единственная вынужденная мера, применяемая только при отсутствии иных способов предотвращения опасности;

- при превышении пределов необходимой обороны лицо подлежит ответственности только в случае причинения тяжкого вреда или смерти, в то время как при превышении пределов крайней необходимости лицо подлежит уголовной ответственности в случае причинения любого вреда.

Немало проблем возникает также при разграничении крайней необходимости и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление. Основное сходство заключается в наличии общественно-полезных целей (защита благ) и в вынужденности, то есть, в невозможности устранения опасности иным способом [Никуленко, с. 72]. В тоже время, нельзя обойти вниманием и различия рассматриваемых обстоятельств:

- причинить вред при задержании возможно только путем действия, а при крайней необходимости причинение вреда возможно путем действия и бездействия;

- при крайней необходимости допускается причинение только меньшего вреда, чем предотвращаемый, а при задержании такое условие отсутствует;

- в качестве основания причинения вреда при задержании выступает совершение задерживаемым преступления, а при крайней необходимости – опасность, вызванная любыми факторами;

- при задержании вред может быть причинен исключительно задерживаемому лицу (совершившему преступление), а при крайней необходимости – интересам невиновных третьих лиц;

- имеется существенное различие в условиях правомерности причинения вреда и крайней необходимости;

- превышение пределов при задержании совершившего преступление лица влечет уголовную ответственность только в случае причинения средней тяжести вреда здоровью или тяжкого, а при превышении пределов крайней необходимости – в случае причинения любого вреда.

Обладает крайняя необходимость и сходством с обоснованным риском, поскольку в обоих случаях лицо вынуждено выбирать вариант поведения и прогнозировать, каковы будут последствия деяния, нередко стоит альтернатива действия или бездействия. Как и в случае с крайней необходимостью, обоснованный риск имеет место лишь в случае невозможности достижения цели иным способом.

В то же время, следует выделить ряд различий:

- действия в состоянии крайней необходимости базируются на необходимости предотвратить вред, угрожающий правоохраняемым интересам, а при обоснованном риске направлены на достижение общественно полезного результата;

- при обоснованном риске отсутствует непосредственный источник опасности, поскольку его создает само лицо, решившееся на риск и моделирующее определенную ситуацию:

- субъектом крайней необходимости может быть любое лицо, которое способно возложить на себя ответственность по выходу из сложной ситуации, или специалист, а субъектом обоснованного риска может быть лишь специалист в определенной сфере.

Несмотря на указанные различия, в правоприменительной практике нередко допускается их смешение. К примеру, по уголовному делу по факту угона, адвокат, осуществляющий защиту подсудимых, утверждал, что они

руководствовались необходимостью добраться до дома в сильный мороз, поэтому в их действиях возможно усмотреть крайнюю необходимость или обоснованный риск [Казакова, с. 182]. Данные обстоятельства действительно существенно перекликаются.

К примеру, в случае принятия врачом решения об ампутации пациенту ноги для того, чтобы спасти его жизнь, ситуация может рассматриваться и как крайняя необходимость, и как обоснованный риск, но здесь наибольшее значение имеют последствия. Если путем проведения данной ситуации удалось сохранить жизнь пациента, у которого возникла инвалидность, можно вести речь о причинении меньшего вреда, нежели предотвращенный. В том же случае, когда в результате операции наступила смерть больного, и путем производства экспертизы установлено, что смерть наступила бы и без хирургического вмешательства, преступность содеянного врачом будет исключена в силу обоснованного риска.

Полагаем, что основное различие заключается в том, что при обоснованном риске лицо сознательно создает такую ситуацию, в которой он, нарушая правила, стремится достичь общественно-полезную цель, а также в том, что при обоснованном риске предпринимаемые действия – это не крайняя мера, непосредственно грозящая ситуация отсутствует, она создается для того, чтобы достичь более важный результат, нежели возможный вред.

Таким образом, большое количество трудностей возникает при установлении наличия крайней необходимости, в силу чего лицо и вынуждено причинить определенный вред, а также допустимости пределов крайней необходимости. С сожалением следует отметить, что российскому уголовному процессу свойственен обвинительный уклон, поэтому зачастую позиция лица о том, что оно действовало в условиях крайней необходимости, рассматриваются лишь как стремление избежать уголовной ответственности.

Проблемы возникают и при необходимости отграничить крайнюю необходимость от иных обстоятельств, исключающих преступность деяния, как и при необходимости определения, обязательные условия правомерности

какого именно обстоятельства были нарушены. Необходимо учитывать, что крайняя необходимость – это самостоятельный институт уголовного права, в связи с чем, в каждом случае необходимо анализировать, имели ли место ее признаки и не были ли превышены пределы. Представляется, что разрешению выявленных проблем будет способствовать внесение изменений в действующее уголовное законодательство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам проведенного исследования сделаны следующие выводы.

Крайняя необходимость в российском уголовном праве прошла длительный путь эволюции, трансформируясь на различных этапах из причины, исключающей вину, в обстоятельство, смягчающее наказание, затем – в обстоятельство, освобождающее от уголовной ответственности, и, наконец, в обстоятельство, исключающее преступность деяния. Постепенно пришло и осознание деяния в состоянии крайней необходимости как общественно полезного. На протяжении всего периода развития института крайней необходимости, менялись критерии соотношения причиненного вреда с предотвращенным, обновлялся перечень источников угроз опасности и способов их устранения. Аналогичным образом претерпевала преобразования и необходимая оборона. Впервые она регламентирована положениями Русской правды применительно к защите собственности, позднее она распространяет свои действия и на личные, естественные права граждан. Можно утверждать, что постепенно происходила гуманизация анализируемых институтов, что оказало положительное влияние на стимулирование полезных поведенческих мотивов.

С принятием действующего УК РФ, законодателем произведена систематизация норм, регламентирующих обстоятельства, исключающие преступность деяния, им посвящена отдельная глава, где сформирован исчерпывающий перечень таких обстоятельств. Поскольку фактически она содержит перечень деяний, не признаваемых преступными при наличии определенных обстоятельств, в связи с чем, более целесообразным видится изменение наименования данной главы следующим образом: «Разрешенное причинение вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния».

В качестве одного из значимых обстоятельств выступает необходимая оборона, в соответствии с которым, причинение вреда в состоянии такой обороны не влечет признания деяния преступным, и, соответственно,

уголовной ответственности, но при условиях, что данный вред причинен вследствие действий, осуществляемых своевременно, во время нападения, в целях защиты охраняемых законом интересов, и не было допущено нарушения пределов необходимой обороны.

Полагаем, что существующие законодательные формулировки вызывают существенные сложности в разграничении правомерных и неправомерных действий в состоянии необходимой обороны. В частности, уточнение, связанное с тем, что в случае защиты от несвязанного с опасным для жизни насилия нападения правомерна при недопущении пределов необходимой обороны, приводит к тому, что оценочный характер в данном случае не позволяет четко определять, какие действия должны считать правомерными. Для решения указанных проблем предлагается внести ряд изменений в ст. 37 УК РФ:

- предусмотреть, что правомерным будет причинение любого вреда, вплоть до лишения жизни нападавшего, если в ходе нападения применялось насилие в виде нанесения неоднократных ударов, оружие или предмет, используемый в качестве оружия;

- упростить формулировки, используемые в ст. 37 УК РФ, вынеся определение необходимой обороны в примечание к данной норме.

Не менее значимым обстоятельством, исключающим преступность деяния, является состояние крайней необходимости, возникновение которого может быть обусловлено различными факторами, связанными и не связанными с волей лица. Преступность деяния исключается в том случае, когда крайняя необходимость является правомерной, то есть, при условии, что:

- лицом предпринимались меры по устранению опасности для себя и других лиц, общественных интересов, общественных и государственных интересов;

- действия были своевременны, влекущими меньший вред, чем предотвращаемый;

- иными мерами устранить существующую опасность было невозможно.

Представляется, что ст. 39 УК РФ также нуждается в упрощении формулировок.

Значение исключаящих преступность деяния обстоятельств заключается в том, что они исключают уголовную ответственность за деяние, которое по своей сущности схоже с преступлением, но таковым не являются по причине наличия определенных обстоятельств. В том случае, когда преступление совершено при обстоятельствах, исключаящих преступность деяния, однако нарушены правила, которые для этого должны быть в обязательном порядке соблюдены, данный факт выступает в качестве условия смягчения ответственности в соответствии с нормами Особенной части УК РФ, либо условием смягчения наказания в силу п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Причинение вреда при превышении пределов необходимой обороны в ряде случаев влечет уголовную ответственность, квалификация деяния зависит от наступивших последствий. Уголовно-наказуемым является в таком случае причинение среднего либо тяжкого вреда здоровью, а также смерти, соответственно, если обороняющийся, превышая пределы, причинит легкий вред здоровью, его действия не будут уголовно-наказуемыми.

Объектом причинения любого вреда при превышении пределов необходимой обороны выступают жизнь и здоровье человека, объективная сторона состоит в объективных действиях, наступившем вреде и причинной связи между ними. Субъект преступления общий – вменяемое физическое лицо в возрасте от 16-ти лет, субъективная сторона представлена умыслом.

Полагаем, что законодательный подход, выстроенный на квалификации деяния в зависимости от причиненных последствий, нецелесообразен, поскольку здесь имеет место множество факторов. Прежде всего, это невозможность лица, действующего в состоянии необходимой обороны, определить, какие именно последствия наступят вследствие его действий. Сюда же следует отнести и особенности физиологического состояния организма каждого человека, например, один и тот же удар может повлечь одному человеку причинение легкого вреда здоровью, а другому-тяжкого. Зачастую

исход причиненного тяжкого вреда зависит от своевременности оказания медицинской помощи, позволяющей спасти человека от смерти. Кроме того, не видим необходимости установления ответственности за причинение средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны. Поэтому следовало бы предусмотреть одну норму, устанавливающую уголовную ответственность за причинение тяжкого вреда или смерти при превышении пределов необходимой обороны.

Действующий УК РФ не содержит самостоятельных норм, устанавливающих ответственность за причинение вреда при превышении пределов крайней необходимости, в связи с чем, ответственность наступает в зависимости от причиненного вреда, на основании общих норм Особенной части К РФ. Предусматривается лишь смягчение наказания в соответствии с п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ. Полагаем, что такой законодательный подход можно объяснить тем, что в результате превышения пределов крайней необходимости может быть причинен вред, в частности, имущественный. Но нет никаких сомнений в том, что в действующей редакции УК РФ просматривается наиболее суровое отношение к совершению деяния в условиях крайней необходимости, чем к остальным видам обстоятельств, исключающих преступность деяния. Представляется, что необходимо рассмотреть возможность внесения в УК РФ изменений, в соответствии с которыми для привлечения лица к уголовной ответственности за превышение пределов крайней необходимости будут предусматриваться более льготные условия и ответственность за превышение ее пределов будет наступать исключительно в случаях причинения тяжкого вреда здоровью, а также в случаях причинения смерти. Это может быть сделано путем включения в УК РФ соответствующей нормы, по аналогии с теми, которые предусматривают причинение вреда при превышении пределов необходимой обороны.

В сфере уголовной ответственности за деяния, сопряженные с превышением пределов необходимой обороны, возникают многочисленные проблемы. Прежде всего, это квалификация по соответствующим

привилегированным нормам действий, которые в действительности совершены правомерно. Во многом деяния, совершенные при превышении необходимой обороны, имеют сходство с деяниями, совершаемыми в состоянии аффекта. Данные виды преступлений имеют достаточное число схожих признаков. Так, для обоих видов преступления характерно насилие со стороны потерпевшего. Также, в целом, продолжительность реакции на насилие при совершении данных преступлений одинакова, как правило, реакция происходит в минимальный срок. В основном, разграничение данных видов преступления проводится по мотивам и целям. Мотивом и целью преступления при превышении пределов необходимой обороны является предотвращение общественно опасного посягательства, при совершении преступления в состоянии аффекта - прекращение проявлений в отношении виновного отрицательных проявлений. Разграничить действия, предусмотренные ст. 107 и ч. 1 ст. 108 УК РФ, лишь по конкретному признаку состава преступления не представляется возможным. Для правильной квалификации содеянного необходимо оценивать все объективные и субъективные параметры преступного деяния в их совокупности.

Также нередки случаи, когда необоснованно действия, совершенные при превышении пределов необходимой обороны, квалифицируются без учета данного факта, по общим нормам, предусматривающим ответственность за причинение умышленного вреда здоровью или смерти. Возникают и проблемы при разграничении с иными привилегированными составами преступлений. В ряде случаев, таковые проблемы разрешаются высшими судами и действия лиц переквалифицируются на привилегированный состав, однако, в целом, таковая позиция следственной и судебной практики вызывает определенную озабоченность. Представляется, что подобная негативная тенденция никак не способствует социально-полезной цели наличия в уголовном законе обстоятельств, исключающих преступность деяния, поскольку несправедливые решения суда приводят к тому, что в случае нападения, к примеру, на других лиц, очевидцы предпочтут не вмешиваться и не предпринимать мер по защите.

С нашей точки зрения, все эти проблемы связаны с недостаточно корректной законодательной конструкцией норм о необходимой обороне, и предлагаемые выше изменения в УК РФ могут способствовать их разрешению, так как совершенствование законодательства позволит законопослушным гражданам легко ориентироваться в нормах УК РФ, четко понимать, в каких случаях какой вред может быть им причинен посягателю.

Большое количество трудностей возникает при установлении наличия крайней необходимости, в силу чего лицо и вынуждено причинить определенный вред, а также допустимости пределов крайней необходимости. С сожалением следует отметить, что российскому уголовному процессу свойственен обвинительный уклон, поэтому зачастую позиция лица о том, что оно действовало в условиях крайней необходимости, рассматриваются лишь как стремление избежать уголовной ответственности.

Проблемы возникают и при необходимости отграничить крайнюю необходимость от иных обстоятельств, исключающих преступность деяния, как и при необходимости определения, обязательные условия правомерности какого именно обстоятельства были нарушены. Необходимо учитывать, что крайняя необходимость – это самостоятельный институт уголовного права, в связи с чем, в каждом случае необходимо анализировать, имели ли место ее признаки и не были ли превышены пределы. Представляется, что разрешению выявленных проблем будет способствовать внесение изменений в действующее уголовное законодательство.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные правовые акты

1. Артикул Воинский 1715 года // Отечественное законодательство X-XX веков. Ч. 1 / Под ред. О.И. Чистякова. М., 1999. URL: http://militera.lib.ru/regulations/russr/1715_artikul/index.html (дата обращения: 05.09.2022).
2. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. [с учетом поправок] // Официальный интернет-портал правовой информации – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.09.2022).
3. Соборное Уложение 1649 года // Отечественное законодательство X-XX веков. Ч. 1 / Под ред. О.И. Чистякова. М., 1999. URL: <https://www.prilib.ru/item/388750> (дата обращения: 05.09.2022).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25.
5. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. (в ред. 30 июля 1996 г.) (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1960, N 40. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения: 05.09.2022).
6. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Отечественное законодательство X-XX веков. Ч. 1 / Под ред. О.И. Чистякова. М., 1999. URL: <http://museumreforms.ru/node/13654> (дата обращения: 05.09.2022).
7. Федеральный закон от 08 декабря 2003 г. №162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45408/ (дата обращения: 05.09.2022).

8. Федеральный закон от 14 марта 2002 г. № 29-ФЗ «О внесении изменения в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 211. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35866/ (дата обращения: 05.09.2022).

9. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ (в ред. от 21.12.2021) «О полиции» // Российская газета. 2011. 8 февраля. № 25. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 05.09.2022).

Основная и специальная литература

10. Афендииков, В.С. Проблемы правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление / В.С. Афендииков // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. С. 12-15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnyye-aspekty-pravomernosti-prichineniya-vreda-pri-zaderzhanii-litsa-sovershivshego-prestuplenie> (дата обращения: 10.09.2022)

11. Белоглазов, А.Е., Аниськина А.И., Потапова А.С. История становления и развития института крайней необходимости / А.Е. Белоглазов, А.И. Аниськина, А.С. Потапова // Современный ученый. 2020. № 1. С. 275-279. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-instituta-krayney-neobhodimosti-v-ugolovnom-prave-rossii> (дата обращения: 05.09.2022)

12. Борисов, А.Б. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.Б. Борисов. М.: Книжный мир. 2015. – 1076 с.

13. Васильев, Ю.В. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния / Ю.В. Васильева, Е.В. Сердюкова, А.А. Чуниха, Е.О. Волкова. - Ставрополь, 2021. - 356 с. URL:

https://mgimo.ru/files2/2015_04/up27/file_be75e99f8c0c622a8e1479c71646fb43.pdf

(дата обращения: 05.09.2022)

14. Васяев, Д.В. О законодательной регламентации и судебном определении мотива и цели убийств, предусмотренных в ст. 108 УК РФ /Д.В. Васяев // Вестник СамГУ. 2013. № 5 (106). С. 192-197. URL: <https://ukrfkod.ru/statja-108/> (дата обращения: 05.09.2022)

15. Галимов, М.Р. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния // Проблемы совершенствования законодательства. Сборник научных статей студентов юридического факультета СКИ(ф) ВГУЮ (РПА Минюста России) / М.Р. Галимов. - Махачкала, 2019. С. 22-25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemu-sovershenstvovaniya-norm-ob-obstoyatelstvah-isklyuchayuschih-prestupnost-deyaniya> (дата обращения: 05.09.2022)

16. Гарбатович, Д.А. Право на необходимую оборону в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ / Д.А, Гарбатович // Уголовное право. 2013. № 1. С. 12-17.

17. Гогин, Н.О. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния / Н.О. Гогин // Научный Лидер. 2022. № 2 (47). С. 117-120. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-obstoyatelstvah-isklyuchayuschih-prestupnost-deyaniya> (дата обращения: 05.09.2022)

18. Гончарова, Н. Крайняя необходимость в истории отечественного уголовного законодательства (эволюционный аспект) / Н, Гончарова // Научный Лидер. 2021. № 25 (27). С. 47-52. URL: <https://scilead.ru/article/655-krajnyaya-neobkhodimost-v-istorii-otechestvenn> (дата обращения: 05.09.2022)

19. Денисова, Е.А. Генезис института крайней необходимости в уголовном праве России / Е.А. Денисова // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 32. С. 111-115.

20. Джиоев, Г.М. Исторические аспекты развития института крайней необходимости / Г.М. Джиоев, О.Х. Качмазов // Актуальные проблемы права. Сборник научных статей магистрантов. Под редакцией Б.Г. Койбаева.

Владикавказ, 2019. – 467 с. URL: <https://e-koncept.ru/2016/56915.htm> (дата обращения: 05.09.2022)

21. Добрынина, К.Е. Некоторые вопросы превышения пределов необходимой обороны / К.Е. Добрынина // Аллея науки. 2017. Т. 2. № 16. С. 791-793. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-voprosah-prevysheniya-predelov-neobhodimoy-oborony> (дата обращения: 05.09.2022)

22. Домрычева, О.Н. Необходимая оборона как обстоятельство, исключающее преступность деяния / Н.О. Домрычева // Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения, защиты. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2018. С. 103-107. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neobhodimaya-oborona-kak-obstoyatelstvo-isklyuchayuschee-prestupnost-deyaniya> (дата обращения: 05.09.2022)

23. Егорова, Н.А. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, по уголовному законодательству России: проблема определения понятия / Н.А. Егорова // В сборнике: Юридическая наука: история, современность, перспективы. Сборник материалов VII международной научно-практической конференции, посвященной Дню российской науки. 2016. С. 11-15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-obstoyatelstv-isklyuchayuschih-prestupnost-deyaniya-v-sovremennyh-realiyah-protivodeystviya-prestupnosti> (дата обращения: 05.09.2022)

24. Жигжитова, Б.Б. Особенности развития института крайней необходимости в уголовном праве России / Б.Б. Жигжитова // Пролог: журнал о праве. 2021. № 1. С. 88-93. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-instituta-krayney-neobhodimosti-v-ugolovnom-prave-rossii> (дата обращения: 05.09.2022)

25. Зеленев, А.В. Современный институт обстоятельств, исключающих преступность деяния: проблемы законодательного закрепления и перспективы развития / А.В. Зеленев // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской Академии МВД России. 2014. № 4 (28). С. 243-245. URL: <https://moluch.ru/archive/135/37542/> (дата обращения: 05.09.2022)

26. Казакова, В.А. Юридическая оценка обстоятельств, связанных с обоснованным риском и крайней необходимостью / В.А. Казаков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2018. № 790. С. 181-185.

27. Кибальник, А.Г. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: авторский взгляд на нерешенные проблемы / А.Г. Кибальник// Уголовное право. 2021. № 10 (134). С. 12-16.

28. Кобец, П.Н. Уголовно-правовое значение обстоятельств, исключающих преступность деяния / П.Н. Кобец// Международный научный журнал «Символ науки». 2016. № 12-3. С. 94-97. URL: <https://www.dissercat.com/content/ugolovno-pravovye-predpisaniya-ob-obstoyatelstvakh-isklyuchayushchikh-prestupnost-deyaniya> (дата обращения: 05.09.2022)

29. Козлов, А.Е. Современные проблемы квалификации необходимой обороны / А.Е. Козлов // Журнал правовых и экономических исследований, 2013. № 2. С. 46-50. URL: <https://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1364096> (дата обращения: 05.09.2022)

30. Кузнецова, Ю.О. Крайняя необходимость в истории отечественного уголовного законодательства (эволюционный аспект) / Ю.О. Кузнецова, В.В. Петров // Молодой ученый. 2019. № 37 (275). С. 25-31.

31. Лисица, Л. М. Общие условия правомерности необходимой обороны / Л.М. Лисица // Журнал правовых и экономических исследований. 2017. № 2. С.16-20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-pravomernosti-neobhodimoy-oborony-otnosyaschiesya-k-zaschite> (дата обращения: 05.09.2022)

32. Лобанова, Л.В. Учет смягчающих обстоятельств при назначении наказания лицу, заключившему досудебное соглашение о сотрудничестве / Л.В. Лобанова // Lexrussica. 2014. № 3. С.88-93.

33. Матвейчук, О.А. К вопросу о необходимой обороне в системе обстоятельств, исключающих преступность деяния / О.А. Матвейчук // Моя профессиональная карьера. 2019. Т. 2. № 7. С. 21-23. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/neobhodimaya-oborona-v-sisteme-obstoyatelstv-isklyuchayuschih-prestupnost-deyaniya-po-ugolovnomu-pravu-rossii> (дата обращения: 10.09.2022)

34. Матова, Л.С. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: история становления и развития / Л.С. Матова // Актуальные проблемы права, экономики и управления. Сборник материалов студенческой научной конференции. В 2-х частях. Отв. редактор Н. М. Ладнушкина. Саратов, 2021. С. 187-192.

35. Медведев, С.С., Уголовно-правовое значение крайней необходимости / С.С. Медведев, С.К. Топичева // Эпомен. 2019. № 28. С. 109-112.

36. Механошина, Е.К. Понятие обстоятельств, исключающих преступность деяния / Е.К. Механошина // Междисциплинарность науки как фактор инновационного развития. Сборник Международной научно-практической конференции: в 4 частях. 2017. С. 67-70.

37. Моллаев, Э.К. Дискуссионные вопросы обстоятельств, исключающих преступность деяния / Э.К. Моллаев // Евразийский юридический журнал. 2019. № 6 (133). С. 34-37. URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie43900.html> (дата обращения: 10.09.2022)

38. Никитенко, М.Г., Никитенко Е.Е. Историко-правовой анализ развития крайней необходимости как обстоятельства, исключающего преступность деяния / М.Г. Никитенко, Е.Е. Никитенко // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2021. № 1 (105). С. 85-92. URL: <http://www.vestnik.ael.ru/> (дата обращения: 10.09.2022)

39. Никитин, А. Проблемы применения необходимой обороны как обстоятельства, исключающие преступность деяния / А. Никитин // Журнал «Познавательный». 2014. № 5. С. 12-16.

40. Никуленко, А. В. Актуальные проблемы разграничения институтов крайней необходимости и причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление А.В. Никуленко // Вестник Санкт-Петербургского

университета МВД России. 2010. № 4 (48). С. 71-75. URL: <https://elibrary.ru/contents.asp?titleid=9475> (дата обращения: 10.09.2022)

41. Нурджанян, Р.В. Крайняя необходимость как обстоятельство исключающее преступность деяния / Р.В. Нурджанян // В книге: Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений. Сборник материалов. 2020. С. 35-37. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupnost-v-sng-problemy-preduprezhdeniya-i-raskrytiya-prestupleniy> (дата обращения: 10.09.2022)

42. Помогаева, К.В. История становления и развития уголовно-правового института обстоятельств, исключающих преступность деяния / К.В. Помогаева // Новые вызовы новой науки: опыт теоретического и эмпирического анализа. Сборник статей II Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2021. С. 107-114. URL: <https://m.sciencen.org/assets/Kontent/Konferencii/Arhiv-konferencij/KOF-647.pdf> (дата обращения: 10.09.2022)

43. Пшеничный, В.И. Крайняя необходимость в уголовном праве / В.И. Пшеничный // Молодой ученый. 2020. № 23 (313). С. 276-280.

44. Розин, Н.Н. О крайней необходимости / Н.Н. Розин. - СПб : Нева, 2013. С. 28-32.

45. Российское уголовное право. Общая часть/ Под. ред. В.Х. Коняхина, М.Л. Прохоровой- М.: Контракт, 2014. – 287 с. URL: <https://znanium.com/catalog/document?id=58924> (дата обращения: 10.09.2022)

46. Рулева, П.И. Исторический аспект института обстоятельств, исключающих преступность деяния / П.И. Рулева // Молодежь в науке: новые аргументы. Сборник научных работ V Международной молодежной конференции. Отв. ред. А.В. Горбенко. 2020. С. 104-107.

47. Русинова, О.В. Крайняя необходимость по российскому уголовному праву / О.В. Русинова// Вестник Межрегионального открытого социального института. 2016. № 1 (3). С. 108-110. URL: <http://mosi.ru/ru/students/redakcionno->

izdatelskaya-deyatelnost/nauchno-prakticheskiy-zhurnal-vestnik-0 (дата обращения: 10.09.2022)

48. Снегирева, Н.И. Эволюция правового института крайней необходимости в зарубежном и отечественном уголовном праве / Н.И. Снегирева, П.Е. Снегирева // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2020. №1. С. 160-165. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-pravovogo-instituta-krayney-neobhodimosti-v-zarubezhnom-i-otechestvennom-ugolovnom-prave> (дата обращения: 10.09.2022)

49. Станкевич, А.М. Определение пределов правомерности крайней необходимости в истории уголовного законодательства России / А.М. Станкевич, В.В. Наумов // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2 (ч. 1). С. 103-108.

50. Станкевич, А.М. Особенности определения пределов допустимого вреда, причиняемого при крайней необходимости, по современному уголовному законодательству / А.М. Станкевич // Известия Тульского государственного университета. Экономическое и юридическое право. 2013. № 2-2. С. 194-198. URL: <https://tidings.tsu.tula.ru/tidings/index.php?id=economic&lang=ru&year=1> (дата обращения: 10.09.2022)

51. Сумец, Д.В. Крайняя необходимость и обоснованный риск: проблемы разграничения / Д.В. Сумец // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 37. С. 577-580.

52. Трахов, А.И. Уголовный закон в теории и судебной практике: дисс. ... д-ра юр. наук / А.И. Трахов. - Майкоп, 2014. - 214 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/ugolovnyi-zakon-v-teorii-i-sudebnoi-praktike> (дата обращения: 10.09.2022)

53. Уздимаева, Н. И. История правовой самозащиты в России / Н.И. Уздимаева // Пробелы в Российском законодательстве. 2011. С. 50-56.

54. Федько, Е.В. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния / Е.В. Федько // Правовая защита частных и

публичных интересов. Сборник научных статей Международной научно-практической конференции, посвященной памяти выдающегося российского адвоката Федора Никифоровича Плевако (1842-1908). 2019. С. 116-119.

55. Щелконогова, Е.В. Система обстоятельств, исключаящих преступность деяния / Е.В. Щелконогова // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2021. № 1 (16). С. 86-91.

56. Якушин, В.А. Некоторые вопросы квалификации убийств/ В.А. Якушин // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2015. №. 2. С. 230. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nuzhna-li-klassifikatsiya-motivov-prestupleniy-v-ugolovnom-prave> (дата обращения: 10.09.2022)

Материалы судебной и другой практики

57. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 февраля 2017 г. по делу № 34-АПУ17-1сп. // СПС «Гарант». URL: [//sudact.ru/regular/doc/woqf9wru9U1/](https://sudact.ru/regular/doc/woqf9wru9U1/) (дата обращения: 10.09.2022)

58. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Тюменского областного суда от 27 февраля 2012 года // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/95aCzSwXfN16/> (дата обращения: 10.09.2022)

59. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Тюменского областного суда от 27 июля 2017 г. // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/pNnL9UdbDIo1/> (дата обращения: 10.09.2022)

60. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Тюменского областного суда от 28 августа 2020 г. // СПС «Гарант». URL: [//sudact.ru/regular/doc/Ip0TlzJQuuV4/](https://sudact.ru/regular/doc/Ip0TlzJQuuV4/) (дата обращения: 10.09.2022)

61. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 04 сентября 2016 г. по делу № 22-1595/16 // СПС «Гарант». URL: [//sudact.ru/regular/doc/56SRN0u35ngJ/](https://sudact.ru/regular/doc/56SRN0u35ngJ/) (дата обращения: 10.09.2022)

62. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 (в ред. от 31.05.2022) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Российская газета. 2012, 3 октября. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/ (дата обращения: 10.09.2022)

63. Приговор Калининского районного суда г. Тюмени от 06 февраля 2018 года URL: [//sudact.ru/regular/doc/DhwIYzrrKR6r/](http://sudact.ru/regular/doc/DhwIYzrrKR6r/) (дата обращения: 10.09.2022)

64. Приговор Тобольского городского суда Тюменской области от 12 декабря 2017 года // URL: [//sudact.ru/regular/doc/VclrMpOGZ9xq/](http://sudact.ru/regular/doc/VclrMpOGZ9xq/) (дата обращения: 10.09.2022)